I, 2в
Г945э

ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. ГУМБОЛЬДТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ПУТЕШЕСТВІЯ И НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. А. Энгельгардта

Съ портретомъ А. Гумбольдта, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

ДВГНБ

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

БИБЛІОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИП. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39
1891

ЭР03200

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разсказы. А. Лякидэ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ—1 р. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ переп. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Съ 58 рисунк. Ц. 2 р. Въ перепл.—2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл.—2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разсказы. А. Нольде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер 1 р. 50 к.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Азбелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ИСКРЫ БОЖЬИ Біографическіе очерки А. Островинской Цѣна 1 р. 25 к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ. Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ пап.—1 р. 50 к., въ переп.—1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флёри Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИКЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) [illegible] и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Доррить, 10) Два города. Цѣна каждаго романа—40 к. Въ папкѣ 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Борисгофера. Съ 73 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер.—2 р. 50 к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. С. Борисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап.—2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Борисгофера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Борисгофера. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р. 50 к.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф Павленкова 353 рис Ц. 2 р., въ пер.—2 р. 75 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Люкаса. Съ франц. Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 [illegible] к., въ перепл.—2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧН[illegible] ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимс[illegible] Съ рисун. Ц. каждой книжки по 3

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирн[illegible] Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап[illegible] 1 р. 75 к., въ переплетѣ—2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. [illegible]глова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сбо[illegible] разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э. [illegible]дэза. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 25 к., въ переплетѣ—2 р. 50 к.

15 Іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпуститъ

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА.

ЭР03200

38588

ДВГНБ

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ДВ КРАЕВАЯ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

дозв. ценз. спб. 12 ноября 1890 г. тип. тов. „общ. пользa“, б. подъяч., 39.

ЭР03200

А. Гумбольдтъ.

ЭР03200

92 [г]
Проверено 1940 г.
I, 2 в
СБ Г945э

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. ГУМБОЛЬДТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ПУТЕШЕСТВІЯ И НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. А. Энгельгардта.

Съ портретомъ Гумбольдта, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39.
1891

ДВГНБ
ДВ государственная научная библиотека
ЭР03200

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, Будда, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарибальди, Гаррикъ и представители европейской сцены, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ, Колумбъ, Контъ, Конфуцій, Коперникъ, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лассаль, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Марксъ, Меттернихъ, Микель-Анджело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Пиль (Робертъ), Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ренанъ, Ротшильдъ и представители капитала, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спиноза, Стенли, Стефенсонъ, Теккерей, Торвальдсенъ, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Францискъ Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Эдисонъ, Эразмъ и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Аксаковы, Аракчеевъ, Бѣлинскій, Верещагинъ, Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, Достоевскій, Добролюбовъ, Зининъ, Каразинъ, Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Писаревъ, Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Радищевъ, Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ и представители русской сцены, и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *заключающая въ себѣ около 100 страницъ и снабженная портретомъ.*

Цѣна каждой книжки—25 коп. *Все изданіе будетъ закончено втеченіи двухъ лѣтъ, т. е. до наступленія 1893 года.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Сентября 1890 года.

ЭР03200

I.2.6
Г945э

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.
Глава I. Дѣтство и учебные годы 8
» II. Служебная дѣятельность и подготовка къ путешествіямъ 20
» III. Гумбольдтъ въ Америкѣ 37
» IV. Жизнь въ Парижѣ 47
» V. Открытія Гумбольдта 54
» VI. Путешествіе въ Азію и дальнѣйшіе труды . . 69
» VII. Старость и смерть 81

ДВГНБ

ЭР03200

Главными пособіями при составленіи этого очерка служили:

1) *Klencke*. A. v. Humboldt's Leben und Wirken. Vortges., erweit. und umgearb. von *Kühne* und *Hintze*. Siebente Aufl. 1882 г.

2) *Wittwer*. A. v. Humboldt. Sein wissenschaftliches Leben und Wirken. 1860—61.

3) Humboldt's Briefe an Varnhagen v. Ense.

4) Correspondance scientifique et litteraire de Humboldt, rec. et publ. par *De la Roquette*.

5) Briefe von A. v. Humboldt an Bunsen. Leipzig. 1869.

6) *O. Uhle*. A. v. Humboldt.

7) *Лугининъ*. А. фонъ-Гумбольдтъ.

8) *С...ій*. А. ф. Гумбольдтъ (Вѣст. Евр. 1870, №№ 9, 10, 12) и нѣкотор. друг.

М. Энгельгардтъ.

РВБ

ЭР03200

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ряду славныхъ именъ нашего столѣтія имя Александра Гумбольда пользуется едва-ли не наибольшею славой. Кто не слыхалъ о немъ даже изъ людей, очень мало знакомыхъ съ наукой—кто не соединяетъ съ этимъ именемъ представленія о мудрости, славѣ и величіи!

Различныя причины способствовали этой исключительной популярности.

Задачей своей жизни Гумбольдтъ поставилъ *физическое міроописаніе*. Для этой задачи онъ работалъ почти 70 лѣтъ, ради ея посѣтилъ тропическія страны Америки и Азію, ради нея охватилъ столько знаній, сколько не могъ вмѣстить никакой другой ученый. Физическое міроописаніе нельзя назвать самостоятельной наукой; это—сводъ цѣлаго ряда наукъ; оно требуетъ занятій въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ естествознанія. Работы Гумбольдта относятся къ *физикѣ*, *химіи*, *метеорологіи*, *геологіи*, *ботаникѣ*, *зоологіи*, *физіологіи* и *сравнительной анатоміи*, *географіи*, *исторіи*, *этнографіи*, *археологіи* и *политикѣ*. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ принадлежатъ ему болѣе или менѣе обширныя изслѣдованія, во многихъ—блестящія открытія, нѣкоторыя наконецъ—какъ сравнительную климатологію и ботаническую географію — онъ впервые поставилъ на степень науки.

Это изумительное разнообразіе занятій конечно не могло не отозваться на *качественной* сторонѣ его трудовъ. Такихъ великихъ открытій, какъ напр. законъ естественнаго подбора, періодическая система элементовъ

ЭР03200

и т. п., за нимъ не числится. Тѣмъ не менѣе остается изумительнымъ и непонятнымъ, какъ могъ онъ вмѣстить такую массу знаній и не быть ими раздавленнымъ. Какъ могъ онъ, занимаясь почти всѣми отраслями человѣческихъ знаній, не остаться простымъ собирателемъ матеріала, но явиться творцомъ во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ и оставить рядъ открытій достаточно крупныхъ, чтобы увѣковѣчить свое имя въ наукѣ.

Но «физическое мірописаніе» интересовало Гумбольдта не только съ отвлеченной, чисто научной стороны. Ученый соединялся въ немъ съ художникомъ. Онъ мечталъ о *картинѣ* міра, о художественномъ изображеніи Космоса. Исполненіе этой задачи шло рука объ руку съ чисто научными занятіями. Для того чтобы написать такую картину, требовалось разработать, а частію и создать отрасли знаній, въ то время едва затронутыя изслѣдованіемъ. Этой сторонѣ дѣла была посвящена масса спеціальныхъ работъ, доставившихъ Гумбольдту громкую славу въ собственно ученомъ мірѣ

Художественная обработка научныхъ данныхъ разносила эту славу въ болѣе широкихъ кругахъ «Картины природы» (1808), рядъ великолѣпныхъ изображеній тропическаго міра, доставили ему извѣстность среди читателей-неспеціалистовъ; публичныя лекціи 1827—28 г. были событіемъ, привлекшимъ, какъ говорится, «вниманіе всего образованнаго міра»; наконецъ «Космосъ», прославленный «Космосъ», вѣнецъ многолѣтней научной дѣятельности, распространилъ эту славу далеко, во всѣхъ странахъ, гдѣ только были люди, интересовавшіеся наукой...

Эта именно сторона его дѣятельности и окружила его имя такимъ ореоломъ. Изотермы, химическій составъ воздуха, открытія въ области земного магнетизма и т. д — все это приводило въ восторгъ спеціалистовъ; но художественное изображеніе міра — «отъ туманныхъ звѣздъ

ЭР03200

до мховъ на гранитныхъ скалахъ»—было близко сердцу каждаго.

Далѣе, работы Гумбольдта имѣли огромное *возбуждающее* значеніе. Это – неистощимый рудникъ мыслей, обобщеній, широкихъ взглядовъ. Въ дѣлѣ обобщенія онъ превосходилъ всѣхъ другихъ ученыхъ: это его сила, его конекъ. Не имѣя возможности детально разработать тотъ или другой вопросъ, онъ все-же бросалъ рядъ общихъ идей: другіе подхватывали и развивали ихъ. Гете уподобилъ его «источнику съ тысячами трубъ: подставляй только ведра и изо всѣхъ получишь живительную влагу». Трудно сказать, что принадлежитъ Гумбольдту въ нашемъ умственномъ достояніи: онъ пустилъ въ оборотъ такую бездну мыслей, онѣ такъ переплелись съ чужими изслѣдованіями, что теперь часто невозможно разобрать, что́ принадлежитъ ему, что́ другимъ.

Наконецъ и другія причины содѣйствовали его славѣ. Онъ былъ лично знакомъ почти со всѣми выдающимися людьми конца прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія; онъ прожилъ 90 лѣтъ, сохранивъ до конца ясность и силу ума, позволившія ему завершить работы, начатыя еще въ молодости; онъ былъ другомъ двухъ королей, и ни разу не употребилъ своего вліянія во зло ближнему, но сотни разъ пользовался имъ для поддержки нуждающихся, для защиты гонимыхъ, для поощренія и развитія науки...

Все это, вмѣстѣ взятое, окружило его имя такимъ блескомъ, какого не досталось никому изъ его современниковъ.

Читатель не долженъ ждать отъ насъ сколько нибудь *подробнаго* изложенія научныхъ трудовъ Гумбольдта. Нашъ очеркъ посвященъ главнымъ образомъ жизни этого любимца Фортуны и Минервы; но мы постараемся указать хотя въ краткихъ словахъ и важнѣйшія изъ его открытій.

ЭР03200

I.

Дѣтство и учебные годы.

Предки Гумбольдта.—Александръ-Георгъ Гумбольдтъ. — Дѣтство Гумбольдта —Его неспособность.—Жизнь въ Берлинѣ.—Кочеванье по университетамъ.—Первыя работы.—Георгъ Форстеръ и его вліяніе на Гумбольдта.—Общій характеръ воспитанія.

(1769—1792)

Александръ фонъ Гумбольдтъ происходилъ изъ дворянской семьи Нижней Помераніи. Нѣкоторые изъ его предковъ отличались на поприщахъ военной и гражданской дѣятельности; но особенно выдающихся лицъ между ними не было, и только благодаря знаменитому потомку, имена ихъ извлечены изъ пыльныхъ архивовъ и истлѣвшихъ родословныхъ и фигурируютъ теперь въ біографіяхъ Гумбольдта. Въ нашемъ коротенькомъ очеркѣ нѣтъ надобности перечислять ихъ.

Фамилія Гумбольдтовъ принадлежала къ мелкому провинціальному дворянству и не отличалась ни знатностью, ни богатствомъ. Основа тому и другому была положена отцомъ нашего героя, Александромъ-Георгомъ,—частью благодаря его личнымъ заслугамъ, частью путемъ счастливаго брака.

Александръ-Георгъ Гумбольдтъ родился въ 1720 году; шестнадцати лѣтъ поступилъ на службу въ драгунскій полкъ; дослужился до майора и во время семилѣтней войны состоялъ адъютантомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Насколько можно судить по скуднымъ

ЭР03200

источникамъ, это былъ живой, веселый, любознательный человѣкъ, передавшій сыну свой счастливый характеръ. Что онъ умѣлъ цѣнить преимущества образованія, показываетъ тщательное воспитаніе, данное имъ дѣтямъ.

Въ 1762 году онъ оставилъ военную службу и, получивъ званіе камергера, поселился сначала въ Потсдамѣ, потомъ въ Берлинѣ, гдѣ и доживалъ свой вѣкъ частью въ самой столицѣ, частью въ небольшомъ замкѣ Тегелѣ, близъ Берлина, поддерживая постоянныя отношенія съ дворомъ и аристократіей.

Майоръ Гумбольдтъ женился въ 1766 году на вдовѣ нѣкоего барона ф. Гольведе, урожденной Коломбъ. Съ нею въ семью Гумбольдтовъ явилось и богатство. Ей принадлежалъ замокъ Тегель, домъ въ Берлинѣ и другія имущества.

Отъ этого брака родились двое сыновей: старшій, Карлъ-Вильгельмъ, впослѣдствіи знаменитый филологъ, публицистъ и государственный дѣятель—въ 1767 году въ Потсдамѣ; младшій, Фридрихъ-Генрихъ-Александръ, будущій «Аристотель XIX вѣка»—14 сентября 1769 г. въ Берлинѣ.

Дѣтство свое оба брата провели въ Тегелѣ. Условія, при которыхъ они росли и воспитывались, были какъ нельзя болѣе благопріятны для развитія. Правда, сама по себѣ среда, къ которой они принадлежали по рожденію, не отличалась высокими идеалами: мелкое провинціальное дворянство, спѣсивое и чванное, презиравшее «писакъ» и «аптекарей» (т. е. писателей и ученыхъ), могло только заглушать стремленія къ чему-нибудь повыше служебныхъ отличій и чиновъ. Но отецъ Гумбольдта съумѣлъ выдвинуться изъ своей среды и войти въ кругъ высшей аристократіи, а эта послѣдняя въ XVIII столѣтіи могла считаться весьма образованнымъ сословіемъ. Идеи французскихъ вольнодумцевъ циркулировали въ обществѣ и пользовались тѣмъ бо́льшимъ почетомъ, что сами правители подавали

ЭР03200

въ этомъ отношеніи примѣръ своимъ подданнымъ. То былъ вѣкъ и меценатовъ. Великіе, а за ними, какъ водится, и малые міра сего считали долгомъ обнаруживать любовь къ просвѣщенію и либерализмъ. Самъ Фридрихъ II принадлежалъ, какъ извѣстно, къ числу esprits forts восемнадцатаго столѣтія, занимался литературой, поддерживалъ сношенія съ Вольтеромъ и т. д.

Самое разнообразное общество посѣщало Тегель. Дипломаты, военные, придворные, профессора, литераторы—вотъ пестрый кругъ, въ которомъ вращались Гумбольдты. Между прочимъ, въ 1778 году, Тегель посѣтилъ Гёте, сопровождавшій своего герцога (Веймарскаго) въ Берлинъ на большіе маневры. Александру въ то время было 9 лѣтъ, и очень возможно, что знакомство съ великимъ поэтомъ-натуралистомъ оставило слѣдъ въ душѣ ребенка. Изъ другихъ посѣтителей можно упомянуть о наслѣдномъ принцѣ (впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ III), который навѣщалъ Гумбольдта по крайней мѣрѣ однажды въ годъ.

Оба мальчика получили домашнее воспитаніе. Въ то время съ легкой руки Ж.-Ж Руссо педагогическіе вопросы вошли въ моду. Идеи «естественнаго воспитанія» проникли въ Германію и нашли здѣсь горячихъ приверженцевъ въ лицѣ Базедова, Рохова и др. Первымъ воспитателемъ Гумбольдтовъ былъ Іоахимъ-Генрихъ Кампе, впослѣдствіи прославившійся на педагогическомъ поприщѣ. Впрочемъ, онъ пробылъ у нихъ не долго, отъ 1770—1771 г., и оставилъ домъ Гумбольдта, когда Александру было всего 3 года. Въ виду этого врядъ-ли можно говорить о какомъ-либо вліяніи его на ребенка.

За Кампе слѣдовали нѣсколько другихъ воспитателей, тоже не долго остававшихся въ семьѣ Гумбольдта; наконецъ въ 1777 году онъ пригласилъ въ качествѣ гувернера Христіана Кунта, двадцатилѣтняго молодого

ЭР03200

человѣка, который по недостатку средствъ долженъ былъ прервать свое собственное академическое образованіе.

Кунтъ оставался въ семьѣ Гумбольдта, пока не выросли оба мальчика, да и потомъ управлялъ ихъ дѣлами, и на всю жизнь сохранилъ съ ними дружескія, семейныя отношенія. Это былъ человѣкъ съ разносторонними свѣдѣніями, съ энциклопедическими стремленіями, знакомый съ нѣмецкой, французской и латинской литературой, философіей и исторіей, поклонникъ Руссо, старавшійся придать воспитанію своихъ питомцевъ по возможности универсальный характеръ.

Въ 1779 году, когда Александру не исполнилось еще десяти лѣтъ, умеръ его отецъ—майоръ Гумбольдтъ. Смерть его не внесла измѣненій въ воспитаніе мальчиковъ. Г-жа Гумбольдтъ оставила воспитателемъ Кунта и сохранила прежній строй и порядокъ жизни. Вообще, это была женщина разсудительная, спокойная и неизмѣнная въ своихъ привычкахъ, обязанностяхъ и склонностяхъ. Въ письмѣ одной изъ ея знакомыхъ, г-жи де-Ла-Моттъ-Фуке, мы находимъ слѣдующую характеристику ея: «Все осталось по старому въ домѣ Гумбольдта. Люди и образъ жизни тѣ-же, что и раньше. Но мнѣ всегда будетъ недоставать его (т. е. старика Гумбольдта). Его живой, веселый разговоръ представлялъ прекрасный контрастъ съ тихимъ спокойствіемъ и солидностью его жены. Она сегодня выглядитъ также, какъ вчера и какъ будетъ выглядѣть завтра. Та-же прическа, что и десять лѣтъ назадъ—всегда гладкая, скромная, аккуратная. При этомъ блѣдное, тонкое лицо, на которомъ никогда не замѣтишь признаковъ хотя бы малѣйшаго волненія; спокойныя, увѣренныя манеры и непоколебимое постоянство въ привязанностяхъ. При ней всегда живетъ ея зять, дочь и старая тетка, вѣчно лежитъ на диванѣ старый песъ Белькастель; хладнокровіе не измѣняетъ ей ни при какихъ противорѣчіяхъ и семейныхъ

ЭР03200

неурядицахъ. Можно поручиться, что какою вы застанете эту семью сегодня—такою найдете ее и черезъ годъ».

Въ 1780 г. у Гумбольдтовъ прибавился еще учитель, докторъ Людвигъ Геймъ, пользовавшійся впослѣдствіи большою извѣстностью какъ врачъ и филантропъ. Онъ занимался съ ними ботаникой и ознакомилъ ихъ съ системой Линнея. Занятія сопровождались экскурсіями въ окрестностяхъ Берлина и разнообразились разсказами о поѣздкахъ Гейма по разнымъ странамъ Европы.

Александръ развивался туго. Память у него была хорошая, но быстротой соображенія онъ не отличался и далеко отставалъ въ этомъ отношеніи отъ Вильгельма, который легко и быстро схватывалъ всякій предметъ.

Не только въ это время, но и значительно позднѣе, мать его и Кунтъ опасались, что онъ «вовсе не способенъ къ ученію».

Странно звучатъ эти слова въ примѣненіи къ Гумбольдту, но, какъ мы знаемъ, многіе изъ великихъ людей отличались въ дѣтствѣ неспособностью, или, по крайней мѣрѣ, казались неспособными окружающимъ. Назовемъ хоть Ньютона, или—въ совершенно другой области—нашего Пушкина. Должно замѣтить однако, что уже въ ранней молодости Гумбольдтъ производилъ на нѣкоторыхъ иное впечатлѣніе, чѣмъ на мать и воспитателя. «Вильгельмъ, пишетъ упомянутая уже г-жа де-ла-Моттъ, при всей своей учености по моему просто педантъ. Но у него всегда есть острота (le mot pour rire) въ запасѣ и потому его любятъ въ семьѣ какъ ангела... Александръ скорѣе маленькій чертенокъ; впрочемъ онъ очень талантливъ».

Не въ этомъ-ли недовѣріи къ способностямъ мальчика должны мы искать причину его горькихъ отзывовъ о своемъ дѣтствѣ? «Здѣсь въ Тегелѣ, писалъ онъ много позднѣе, я жилъ среди людей, которые любили меня, желали мнѣ добра, но съ которыми я не сходился ни въ

ЭР03200

одномъ впечатлѣніи—вѣчно одинокій, вѣчно стѣсняясь и принуждая себя къ притворству, жертвамъ и пр. Даже теперь, свободный и независимый, я не могу наслаждаться окружающей меня роскошной природой, такъ какъ каждый предметъ возбуждаетъ горькія воспоминанія о дѣтствѣ».

Несмотря на доброту и заботливость матери, самолюбіе ребенка оскорблялось недовѣріемъ къ его способностямъ и нѣсколько небрежнымъ отношеніемъ къ его занятіямъ.

Въ 1783 году братья переселились въ Берлинъ вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ. Требовалось расширить ихъ образованіе, для чего были приглашены различные ученые. Проповѣдникъ Леффлеръ, пріобрѣвшій извѣстность довольно вольнодумнымъ сочиненіемъ объ отцахъ церкви и неоплатонизмѣ, преподавалъ имъ древніе языки; Лебо-де-Нансъ—новые: Энгель, Клейнъ, Домъ—все болѣе или менѣе извѣстные ученые—читали имъ философію и юридическія науки. Вообще образованіе имѣло по преимуществу филологическій и юридическій характеръ въ зависимости отъ склонностей старшаго брата, уже тогда обнаруживавшаго страсть къ изученію языковъ. Младшій интересовался преимущественно естествознаніемъ, но его стремленіямъ не придавалось особеннаго значенія въ виду его предполагаемой «неспособности къ наукамъ». Со стороны нѣкоторыхъ родственниковъ эта любовь вызывала даже насмѣшки: какая-то тетенька, жена камергера, спросила его однажды, не собирается-ли онъ сдѣлаться аптекаремъ. «Да ужъ лучше аптекаремъ, чѣмъ камергеромъ», отвѣчалъ Гумбольдтъ, никогда не лазившій въ карманъ за словомъ.

Братья занимались вмѣстѣ, и младшій изо всѣхъ силъ тянулся за старшимъ. Трудолюбіе и упорство возмѣщали недостатокъ способностей.

Общество, въ которомъ они вращались, было разно-

ЭР03200

образное и блестящее. Въ числѣ ихъ знакомыхъ можно упомянуть объ извѣстной Рахили (женѣ Варнгагена ф. Энзе) и Генріеттѣ Герцъ, считавшейся тогда «самой блестящей женщиной Берлина».

Въ то время (1785—1787 гг.) уже появился Гетевскій «Вертеръ» (1774 г.) и только что вышелъ въ свѣтъ «Донъ-Карлосъ» Шиллера. Среди образованнаго общества было въ модѣ сантиментальное настроеніе, восторженность, поэтическій экстазъ въ манерахъ и разговорѣ.... То, что теперь намъ кажется слащавой и приторной чепухой—«духъ пылкій и немного странный, всегда восторженная рѣчь» и т. п.—въ то время нравилось и трогало сердца.

Этому настроенію поддался и старшій Гумбольдтъ, на всю жизнь сохранившій отпечатокъ сантиментальности, тогда какъ болѣе холодный, положительный и насмѣшливый Александръ подтрунивалъ надъ его чувствительностью и идеальной дружбой съ Генріеттой Герцъ.

Различіе характеровъ впрочемъ не портило отношеній между братьями. Они были очень дружны и дружба эта возрастала съ годами. Но съ матерью и другими родственниками отношенія были довольно сухія, какъ это видно напримѣръ изъ слѣдующаго письма Г. Герцъ: «Когда Александру Гумбольдту случалось въ эти годы писать мнѣ изъ Тегеля, онъ ставилъ въ заголовкѣ «замокъ скуки». Разумѣется это бывало по большей части только въ письмахъ, написанныхъ на еврейскомъ языкѣ, первыя свѣдѣнія въ которомъ онъ и Вильгельмъ получили отъ меня... Сообщать въ письмахъ, доступныхъ всякому, что чувствуешь себя лучше въ обществѣ евреекъ, чѣмъ въ родовомъ замкѣ, было бы несовсѣмъ благоразумно для молодого дворянина».

Кромѣ учебныхъ занятій онъ удѣлялъ значительную долю времени и свѣтскимъ развлеченіямъ, посѣщалъ салоны, учился танцовать, рисовалъ—и достигъ въ

ЭР03200

этомъ искусствѣ большихъ успѣховъ—и даже занимался гравированіемъ. Музыка была ему совершенно чужда; онъ называлъ её общественнымъ бѣдствіемъ (calamité sociale) и въ этомъ отношеніи сходился съ Вильгельмомъ, который тоже находилъ это искусство невыносимымъ.

Для пополненія картины его образа жизни въ это время приведемъ слѣдующую цитату изъ письма одной изъ его знакомыхъ: «Онъ (Александръ) теперь въ разгарѣ галантерейности съ дамами. Носитъ двѣ стальныя цѣпочки, танцуетъ, бесѣдуетъ въ гостиной матери—короче, начинаетъ играть роль. Онъ очень напоминаетъ отца».

Въ это время уже сложился его характеръ: веселый, общительный, соединявшій привѣтливость и снисходительность къ людямъ съ насмѣшливостью и скептицизмомъ.

Приватныя лекціи и жизнь въ Берлинѣ продолжались до 1787 г., когда оба брата отправились въ Франкфуртъ на Одерѣ для поступленія въ тамошній университетъ. Вильгельмъ поступилъ на юридическій факультетъ, Александръ на камеральный. Франкфуртскій университетъ не принадлежалъ къ числу выдающихся и былъ выбранъ ради матери, которой не хотѣлось отпускать сыновей далеко. Неизмѣнный Кунтъ отправился вмѣстѣ съ молодыми людьми.

Въ это время способности Александра, которому уже минуло 18 лѣтъ, стали обнаруживаться. Въ письмѣ его брата мы находимъ такую замѣтку: «Вообще, люди не знаютъ его, думая, что я превосхожу его талантомъ и знаніями. Таланта у него гораздо больше, а знаній столько-же, только въ другихъ областяхъ».

Александръ оставался во Франкфуртскомъ университетѣ только годъ; затѣмъ около года провелъ въ Берлинѣ, изучая технологію, греческій языкъ и ботанику—послѣднюю подъ руководствомъ Вильденова, своего пріятеля, впослѣдствіи знаменитаго ботаника.

ЭР03200

Весною 1789 г. Вильгельмъ также оставилъ Франкфуртъ и братья отправились въ Геттингенскій университетъ—одинъ изъ славнѣйшихъ въ то время. Тамъ читалъ анатомію Блюменбахъ, раздѣляющій съ Кювье славу основателя сравнительной анатоміи, математическія науки—Кестнеръ и Лихтенбергъ, извѣстные своимъ остроуміемъ столько-же, сколько учеными трудами, исторію—Эйхгорнъ, и т. д.

Занятія Александра имѣли энциклопедическій характеръ. Классическая литература, исторія, естествознаніе, математика интересовали его въ одинаковой степени. Знаменитый филологъ Гейне, оживившій въ Германіи любовь къ классической древности, возбудилъ въ немъ охоту къ археологіи. Подъ его вліяніемъ Гумбольдтъ написалъ свое первое—не напечатанное—сочиненіе: «о тканяхъ грековъ».

Въ Геттингенскомъ университетѣ онъ познакомился съ Георгомъ Форстеромъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ имѣлъ большое вліяніе на Гумбольдта. Не будучи звѣздою первой величины въ ученомъ мірѣ—онъ отличался широтою взглядовъ, огромными, всесторонними знаніями и пылкимъ воображеніемъ. Онъ сопровождалъ Кука въ его второмъ кругосвѣтномъ плаваніи, въ качествѣ натуралиста, и разсказы его о тропическихъ странахъ не остались безъ вліянія на Гумбольдта, въ которомъ уже тогда проснулась страсть къ путешествіямъ. Онъ былъ гуманистъ и сторонникъ великой революціи, человѣкъ свободный отъ національныхъ предразсудковъ и называвшій себя «гражданиномъ міра». Эти взгляды тоже конечно имѣли значеніе въ развитіи молодого Гумбольдта, который никогда не могъ назваться рьянымъ патріотомъ и всегда оставался вѣренъ либеральнымъ идеямъ 1789 года. Наконецъ, Форстеръ стремился къ популяризаціи науки и въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ предшественникомъ и, вѣроятно, учителемъ Гумбольдта.

ЭР03200

БИБЛИОТЕКА ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО

Въ Геттингенскомъ университетѣ Гумбольдтъ оставался до 1790 года. Здѣсь начались его самостоятельныя занятія естествознаніемъ. Осенью 1789 года, въ то время какъ Вильгельмъ съ своимъ бывшимъ воспитателемъ Кампе отправились въ Парижъ, Александръ предпринялъ экскурсію на Рейнъ, результатомъ которой явилось изслѣдованіе о рейнскихъ базальтахъ. Вопросъ о происхожденіи базальтовъ былъ въ то время моднымъ въ геологіи. Два враждебныя ученія— плутонистовъ и нептунистовъ — искали въ немъ подтвержденія своихъ взглядовъ. Гумбольдтъ, въ своемъ изслѣдованіи, имѣющемъ впрочемъ главнымъ образомъ фактическій, описательный характеръ, склоняется на сторону нептунистовъ, т. е. признаетъ *водное* происхожденіе базальтовъ.

Въ мартѣ 1790 года онъ предпринялъ путешествіе вмѣстѣ съ Форстеромъ изъ Майнца по Рейну въ Голландію, оттуда — въ Англію и Францію. Значеніе этого путешествія для Гумбольдта онъ самъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Сопутствіе Форстера, знакомство съ сэромъ Джозефомъ Банксомъ (извѣстный путешественникъ и натуралистъ того времени), сильная и внезапно пробудившаяся страсть къ путешествіямъ и посѣщенію отдаленныхъ тропическихъ странъ имѣли огромное вліяніе на планы, которые могли быть исполнены только по смерти матери».

Послѣ этой поѣздки мы видимъ Гумбольдта какъ бы въ нерѣшимости, куда ему направиться. На нѣкоторое время онъ поступилъ въ торговую Академію въ Гамбургѣ, гдѣ изучалъ новые языки, занимаясь въ то-же время ботаникой и минералогіей. Отсюда отправился въ Берлинъ, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, занимаясь ботаникой съ Вильденовымъ. Результатомъ этихъ занятій явились нѣсколько мелкихъ ботаническихъ работъ—

ДВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЭР03200

между прочимъ открытіе ускоряющаго дѣйствія хлора на прорастаніе сѣмянъ.

Желаніе поближе познакомиться съ геологіей и слава Фрейбергской горной Академіи увлекли его въ Фрейбергъ, куда онъ отправился въ 1791 году и гдѣ пробылъ до 1792 года. Здѣсь читалъ геологію знаменитый Вернеръ, глава школы нептунистовъ, ученый, во всю жизнь написавшій лишь одно небольшое сочиненіе и тѣмъ не менѣе заслужившій огромную славу. Лекціи его привлекали учениковъ со всѣхъ концовъ Европы. Подъ его вліяніемъ образовались нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ геологовъ Европы; между прочимъ Леопольдъ фонъ Бухъ, другъ и пріятель Гумбольдта.

Съ оставленіемъ Фрейберга окончились учебные годы Гумбольдта, такъ какъ съ 1792 года началась его служебная дѣятельность. Въ это время ему было 23 года. Душевныя способности его, которыя, какъ мы видѣли, очень туго развивались въ дѣтствѣ, теперь уже обнаружились въ полномъ блескѣ. Онъ обладалъ обширными и разносторонними свѣдѣніями не только въ естествознаніи, но и въ исторіи, юридическихъ наукахъ, классической литературѣ и пр., владѣлъ нѣсколькими языками, напечаталъ рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій по геологіи, ботаникѣ и физіологіи и обдумывалъ планы будущихъ путешествій.

Только физически онъ оставался слабымъ. Болѣзни преслѣдовали его много лѣтъ и лишь въ эпоху американскаго путешествія въ немъ совершился переломъ, превратившій его изъ хилаго, болѣзненнаго человѣка въ богатыря, который могъ прожить 90 лѣтъ, предаваясь до послѣднихъ дней жизни почти невѣроятной дѣятельности и удѣляя сну только 4 — 5 часовъ въ сутки.

Оглядываясь на учебные годы Гумбольдта, мы видимъ, что всѣ условія какъ нельзя болѣе содѣйствовали развитію въ немъ энциклопедическихъ стремленій.

ЭР03200

Общество, блестящее и разнообразное — цвѣтъ нѣмецкой интелигенціи; воспитаніе въ духѣ Руссо, лишенное школьной рутины и принужденія, съ универсальнымъ характеромъ; друзья и товарищи, въ родѣ Вильденова, Буха, Форстера; многочисленныя экскурсіи и разъѣзды: самое кочеванье по университетамъ—то въ Франкфуртѣ, то въ Геттингенѣ, то въ Гамбургѣ, то въ Фрейбергѣ— и возможность слушать лучшихъ ученыхъ того времени — все это не вязалось съ узкой спеціализаціей. Въ то время какъ краснорѣчіе Вернера увлекало его въ область геологіи, пылкая фантазія Форстера рисовала ему картины далекихъ тропическихъ странъ, Вильденовъ тянулъ его къ ботаникѣ и т. д. Къ этому нужно прибавить полную матеріальную обезпеченность, возможность пользоваться какими угодно пособіями,—дѣлать, что хочешь, ѣхать, куда хочешь, слушать, кого хочешь, не думая о заработкѣ, о «кускѣ хлѣба», и предаваясь всецѣло любимымъ занятіямъ.

При такихъ исключительно счастливыхъ условіяхъ люди обыкновенно балуются и выходятъ поверхностными всезнайками, а въ рѣдкихъ случаяхъ — Дарвинами, Кавендишами и т. п. Въ число этихъ исключеній попалъ и Гумбольдтъ. По началу его занятій можно было подумать, что ему суждено сдѣлаться поверхностнымъ энциклопедистомъ. Онъ разомъ набрасывается на цѣлый рядъ научныхъ областей — отъ математики до филологіи. Но геній его съумѣлъ овладѣть всѣми этими областями настолько, чтобы дѣлать самостоятельныя изслѣдованія въ каждой изъ нихъ,—чтобы возвести на степень науки нѣкоторыя изъ нихъ, находившіяся еще въ зачаточномъ состояніи,—чтобы, наконецъ, объединить ихъ всѣ въ одной общей картинѣ «Космоса».

---

*

II.

Служебная дѣятельность и подготовка къ путешествіямъ.

Служебныя занятія.—Научныя работы.—Экскурсіи.—Основныя черты характера и направленія.—Политическія воззрѣнія Гумбольдта.—Участіе въ дѣлахъ государства.—Смерть матери.—Знакомство съ Шиллеромъ и Гёте.—Отзывъ Шиллера о Гумбольдтѣ.—Политическая неурядица и ея вліяніе на планы Гумбольдта.—Знакомство съ Бонпланомъ.—Планы африканскаго путешествія и ихъ неудача.—Гумбольдтъ въ Испаніи.—Любезность испанскаго правительства.—Отъѣздъ въ Америку.—Основная задача Гумбольдта.

(1792—1799).

Періодъ жизни и дѣятельности Гумбольдта, о которомъ мы будемъ говорить въ этой главѣ, имѣлъ для него огромное значеніе. Человѣкъ сформировался: опредѣлилось его направленіе, характеръ, основныя задачи и стремленія. Поэтому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Весною 1792 г. Гумбольдтъ получилъ мѣсто ассессора департамента горныхъ дѣлъ въ Берлинѣ; въ Іюлѣ сопровождалъ министра франконскихъ княжествъ, Гарденберга, игравшаго впослѣдствіи такую видную роль въ политической жизни Пруссіи—въ Байрейтъ для изслѣдованія тамошняго горнаго и руднаго дѣла; а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ былъ назначенъ обербергмейстеромъ (начальникомъ горнаго дѣла) въ Ансбахѣ и Байрейтѣ, съ жалованьемъ въ 400 талеровъ.

Занятія, связанныя съ этой должностью, вполнѣ гармонировали съ желаніями Гумбольдта, очень интере-

ЭР03200

совавшагося минералогіей и геологіей. Постоянные разъѣзды, которыхъ требовала должность, имѣли значеніе, какъ подготовка къ будущимъ путешествіямъ.

— «Всѣ мои желанія исполнены, писалъ онъ своему другу, геологу Фрейеслебену—теперь я буду жить исключительно для минералогіи и горнаго дѣла». И дѣйствительно, онъ ревностно принялся за новыя занятія. Независимо отъ надзора и контроля надъ существующими учрежденіями, онъ старался поощрять и развивать горную промышленность, изучалъ ея исторію по архивнымъ документамъ, возобновилъ заброшенныя рудокопни въ Гольдкронахѣ, устроилъ школу горнаго дѣла въ Штебенѣ и т. д. Благодаря его энергичной дѣятельности, въ Байрейтѣ, до тѣхъ поръ почти вовсе не дававшемъ дохода, — уже въ 1793 году было добыто желѣза, мѣди, золота и купороса на 300,000 гульденовъ.

Онъ обратилъ вниманіе на вредныя и опасныя для жизни стороны горнаго дѣла, занимался изученіемъ газовъ, скопляющихся въ шахтахъ, и пытался изобрѣсти безопасную лампу и дыхательную машину для употребленія въ тѣхъ случаяхъ, когда въ шахтѣ скопляется много углекислоты или другихъ, вредныхъ для дыханія газовъ. Опыты эти были несовсѣмъ безопасны: однажды его пришлось вытаскивать изъ шахты безчувственнаго и едва не задохшагося. Однако ему не удалось получить вполнѣ успѣшныхъ результатовъ.

Эти практическія работы не составляли впрочемъ его главнаго занятія. Параллельно съ ними шли ученыя изслѣдованія. Въ различныхъ спеціальныхъ журналахъ—нѣмецкихъ и французскихъ—имъ былъ напечатанъ рядъ статей и замѣтокъ по геологіи. Въ то время Гумбольдтъ еще находился подъ вліяніемъ Вернера, и всѣ эти изслѣдованія написаны въ духѣ нептунистовъ, представляя различныя доказательства въ пользу теоріи воднаго происхожденія земной коры.

ЭР03200

Въ 1792 г. онъ напечаталъ флору тайнобрачныхъ растеній Фрейберга и «Афоризмы изъ химической физіологіи растеній» — резюме своихъ опытовъ по вопросамъ о раздражимости растительныхъ тканей, питаніи и дыханіи растеній, и пр.

Крупнѣйшей работой этого періода были обширныя изслѣдованія надъ животнымъ электричествомъ, предпринятыя Гумбольдтомъ послѣ ознакомленія его съ открытіемъ Гальвани. Результатомъ этихъ изслѣдованій явилось двухтомное сочиненіе: «Опыты надъ раздраженными мускульными и нервными волокнами», напечатанное только въ 1797—99 гг. Часть этихъ опытовъ была имъ произведена надъ собственнымъ тѣломъ при содѣйствіи д-ра Шаллерна: спина Гумбольдта служила объектомъ изслѣдованія, на ней дѣлались раны и гальванизировались различными способами; Шаллернъ наблюдалъ за результатами, такъ какъ Гумбольдтъ, понятно, могъ только ощущать ихъ.

Излагать содержаніе этого труда и входить въ подробности спора, возникшаго вслѣдствіе открытій Гальвани и Вольты, мы не будемъ. Гумбольдтъ доказывалъ, что источникомъ электричества является животная ткань и ставилъ развитіе электрическихъ токовъ въ связь съ нервною дѣятельностью. Послѣ открытія Вольтова столба, въ которомъ электрическій токъ развивается помимо животныхъ тканей, это физіологическое объясненіе гальванизма было на время заброшено и только значительно позднѣе возродилось и подтвердилось въ изслѣдованіяхъ Дюбуа-Реймона. Связь гальваническихъ явленій съ химическими измѣненіями, указанная Гумбольдтомъ, была также подтверждена впослѣдствіи. Наконецъ работа его представила массу новыхъ фактовъ по предмету, едва затронутому изслѣдованіями.

Все это доставило ему со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ титулъ основателя нервной физіологіи, что впрочемъ нельзя не считать преувеличеніемъ.

ЭР03200

Къ этому-же періоду относится начало его изслѣдованій надъ земнымъ магнетизмомъ, надъ химическимъ составомъ воздуха и подземными газами.

Занятія Гумбольдта нерѣдко прерывались болѣе или менѣе продолжительными поѣздками. Такъ, въ 1792 году онъ путешествовалъ въ Баварію, Зальцбургъ и Галицію для изученія соляного дѣла. Въ 1794 году посѣтилъ для той же цѣли южную Пруссію и берега Вислы. Въ слѣдующемъ году отправился въ верхнюю Италію—уже для собственнаго удовольствія—познакомился и вступилъ въ сношенія съ Вольтою и анатомомъ Скарпою, а на возвратномъ пути изслѣдовалъ вмѣстѣ съ Фрейеслебеномъ Юру, Швейцарскія и Савойскія Альпы.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Лабораторныя и кабинетныя занятія чередовались съ экскурсіями и служебными дѣлами. Рядъ ученыхъ изслѣдованій доставилъ Гумбольдту почетное имя въ наукѣ. Въ 1793 году онъ былъ избранъ членомъ Леопольдино-Каролинской Академіи.

* * *

Въ жизни великихъ людей мы замѣчаемъ одну общую черту: основныя задачи ихъ дѣятельности и отличительныя свойства характера и направленія обнаруживаются очень рано, въ самомъ началѣ дѣятельности.

Въ «Путешествіи на кораблѣ Бигль» Дарвина мы уже находимъ зародышъ теоріи естественнаго подбора; въ письмахъ Кювье — еще безвѣстнаго домашняго учителя—намѣчены великія реформы, произведенныя имъ впослѣдствіи, и т. д. Тоже самое повторяется и въ жизни Гумбольдта.

На первый взглядъ, въ его занятіяхъ царитъ полнѣйшій хаосъ. Движеніе тычинокъ у Parnassia palustris, вліяніе хлора на прорастаніе сѣмянъ, животное электричество—что общаго между этими явленіями. По-

ЭР03200

думаешь—ученый мечется отъ одного предмета къ другому, руководясь только случаемъ. Попалось одно—изслѣдуетъ, подвернулось другое—переходитъ къ нему, безъ опредѣленной идеи, безъ общей цѣли. На самомъ же дѣлѣ всѣ эти работы посвящены одному основному процессу—*раздражимости*, которая въ то время сильно занимала физіологовъ. Изслѣдовать условія и ходъ этого процесса, его различіе и сходство въ растительномъ и животномъ мірѣ — вотъ задача, которой онъ посвятилъ рядъ крупныхъ и мелкихъ изслѣдованій.

Такимъ образомъ, здѣсь уже проявилось стремленіе отыскивать общую основу разнороднѣйшихъ съ виду явленій, характеризующее всю послѣдующую дѣятельность Гумбольдта.

Уже въ 1796 году онъ пишетъ: «*Я имѣю въ виду физику міра*, но чѣмъ болѣе чувствую ея необходимость, тѣмъ яснѣе вижу, какъ шатки еще основанія для такого зданія». «Физика міра» составила задачу всей остальной его жизни. Пока—она рисуется ему лишь въ смутныхъ очертаніяхъ, онъ отвлекается отъ нея побочными вопросами, онъ пробуетъ силы во всевозможныхъ областяхъ науки,—но разъ зародившаяся мысль становится все яснѣе и яснѣе, и къ концу этого періода онъ уже вполнѣ опредѣленно приступаетъ къ ея выполненію.

Характеръ ученаго—проницательнаго, смѣлаго, но въ то-же время осторожнаго въ выводахъ и врага туманныхъ объясненій, которыя ничего не объясняютъ, также обнаруживается въ этихъ первыхъ работахъ. Въ «Афоризмахъ изъ химической физіологіи растеній» онъ еще стоитъ за «жизненную силу», дѣйствующую вопреки законамъ химіи и физики; но уже въ изслѣдованіяхъ о животномъ электричествѣ излагаетъ вполнѣ раціональный взглядъ на жизнь, установившійся въ наукѣ только въ 30-хъ—40-хъ годахъ нашего столѣтія. Мы уже упомянули, что его воззрѣнія на электрическія явленія

ЭР03200

въ животныхъ тканяхъ подтвердились пятьдесятъ лѣтъ спустя въ работахъ Дюбуа-Реймона. Можно бы привести еще нѣсколько примѣровъ такихъ почти пророческихъ обобщеній; укажемъ одно: мнѣніе о значеніи минеральныхъ солей (считавшихся въ то время *случайною примѣсью* въ растеніяхъ), какъ *необходимаго* составного элемента пищи растеній. Только послѣ работъ Соссюра, Либиха и др. мнѣніе это утвердилось въ наукѣ.

Нечего и говорить, что его свѣтлый умъ сразу оцѣнилъ значеніе великихъ открытій Пристлея, Лавуазье и др., въ то время признанныхъ еще далеко не всѣми учеными.

Эти примѣры показываютъ намъ проницательность ученаго, опережающаго свой вѣкъ. Но онъ является въ то-же время осторожнымъ и строгимъ изслѣдователемъ: «Если есть что-либо прочное въ наукѣ, пишетъ онъ, такъ это факты. Теоріи—порожденіе мнѣнія (opinion), и такъ-же измѣнчивы, какъ оно».—«Я собираю факты и не довѣряю своимъ собственнымъ гипотезамъ».—«Будемъ наблюдать, собирать несомнѣнные факты—только такимъ образомъ физическія теоріи можно будетъ утвердить на прочныхъ основаніяхъ»—и т. д.

Наконецъ, стремленіе передать научные выводы въ художественной, образной формѣ — плодомъ котораго явились впослѣдствіи «Картины природы» и «Космосъ»—проявилось у него уже въ этомъ первомъ періодѣ дѣятельности. Въ статьѣ «О родосскомъ геніи» онъ пытается изложить свои воззрѣнія на жизнь. Статья не вполнѣ удачна: прекрасно написанное, но вычурное, аллегорическое — въ духѣ того времени—изображеніе «жизненной силы». Она была напечатана въ 1795 году въ журналѣ «Horen» Шиллера. Впослѣдствіи Гумбольдтъ перепечаталъ этотъ грѣхъ молодости въ «Картинахъ природы», хотя, какъ мы только что упомянули, уже въ сочиненіи о раздражимости мускуловъ отказался отъ этой таинственной силы. Во всякомъ случаѣ, въ

ЭР03200

этомъ юношескомъ произведеніи уже проглядываетъ будущій мастеръ слова.

И такъ, основныя черты ученаго уже сложились въ описываемую нами эпоху.

* * *

«Мою біографію ищите въ моихъ работахъ» говорилъ самъ Гумбольдтъ, и эти слова какъ нельзя болѣе справедливы. Наука составляетъ все въ жизни Гумбольдта; только въ этой области онъ былъ *активнымъ* дѣятелемъ, а ко всему остальному относился какъ зритель: съ участіемъ, съ интересомъ, но стараясь по возможности отклонить отъ себя активную роль.

По своимъ убѣжденіямъ онъ былъ и оставался всю жизнь поклонникомъ либеральныхъ идей XVIII вѣка, равно далекимъ отъ революціоннаго и реакціоннаго фанатизма. Молодость его совпала съ великой революціей, значеніе которой онъ охарактеризовалъ слѣдующими словами: «Республиканскія драгонады также возмутительны, какъ и религіозныя. Но одно благодѣяніе—уничтоженіе феодальной системы и аристократическихъ предразсудковъ—добыто и останется, хотя бы монархическія учрежденія распространились также повсемѣстно, какъ теперь повидимому распространяются республиканскія» (1798 г.).

Въ этомъ письмѣ ярко отчеканились основныя черты его политическихъ воззрѣній: скептическое отношеніе къ внѣшнимъ формамъ общественной жизни, формамъ, которыя могутъ мѣняться, какъ картинки въ калейдоскопѣ, и глубокая вѣра въ незримый но неуклонный, процессъ развитія человѣческаго духа.... Кажущееся торжество республиканскихъ учрежденій не плѣняетъ его: онъ предвидитъ возможность побѣды учрежденій совершенно противуположныхъ—побѣды тоже только ка-

ЭР03200

жущейся, ибо то, что разъ выработано сознаніемъ человѣчества, уже не можетъ быть отнято у него.

Поставивъ своей задачей ученую дѣятельность воздерживаясь отъ активной политической роли, онъ однако не могъ вполнѣ устраниться отъ политики. Связи его съ лицами высшей администраціи, среди которыхъ его братъ уже начиналъ играть видную роль, отношенія къ двору, къ наслѣдному принцу, лично знавшему и цѣнившему обоихъ Гумбольдтовъ—все это нерѣдко заставляло его принимать участіе въ дѣлахъ государства. Роль, которую ему приходилось играть въ этихъ случаяхъ, была обыкновенно роль посредника въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Обходительный, любезный, остроумный, краснорѣчивый, удивительно легко и быстро сходившійся съ самыми разнообразными людьми—онъ какъ нельзя болѣе годился для подобной роли, хотя и не прошелъ дипломатической школы.

Въ первый разъ это случилось въ 1794 году. За два года передъ тѣмъ европейскія державы обрушились на французскую республику, чтобы «раздавить гидру революціи». Пруссія принимала участіе въ этой войнѣ. Въ 1794 году, при заключеніи договора между Англіей, Австріей и Пруссіей упомянутый уже нами Гарденбергъ отправился въ Франкфуртъ на Майнѣ для переговоровъ съ англійскимъ и голландскимъ уполномоченными. Его сопровождалъ Гумбольдтъ въ качествѣ посредника при переговорахъ. Онъ самъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее въ письмѣ отъ 10 сентября 1794 года: «Никогда еще я не велъ такого разсѣяннаго образа жизни, какъ теперь. Я оторванъ отъ своихъ занятій, заваленъ дипломатическими порученіями Гарденберга, нахожусь большею частью въ главной квартирѣ фельдмаршала Меллендорфа, а теперь въ англійскомъ лагерѣ. Веселаго тутъ мало, но и грустить некогда. Я узналъ много новаго, а постоянные разъѣзды по мѣстностямъ, интереснымъ въ

ЭР03200

минералогическомъ отношеніи, доставили мнѣ много матеріала для моей книги объ отношеніяхъ и наслоеніяхъ горныхъ породъ».

«Гидра революціи» оказалась однако не на шутку гидрой; изъ оборонительнаго положенія она быстро перешла въ наступательное и заставила геркулесовъ стараго порядка отступить. Пруссія первая показала примѣръ, заключивъ съ французами миръ въ 1795 году (Базельскій миръ). При этомъ Гумбольдтъ былъ посланъ къ Моро, французскому главнокомандующему, для переговоровъ насчетъ владѣній Гогенлоэ (Прусское правительство боялось ихъ опустошенія французами). Порученіе это ему удалось исполнить съ полнымъ успѣхомъ.

Мечты о далекомъ путешествіи все болѣе и болѣе овладѣвали имъ. Грандіозные планы носились въ его воображеніи. Впослѣдствіи онъ не могъ вспоминать безъ волненія объ этомъ періодѣ своей жизни. «Штебенъ (мѣстечко, гдѣ Гумбольдтъ жилъ въ должности обербергмейстера) имѣлъ такое вліяніе на мой образъ мыслей, я замышлялъ въ немъ такіе великіе планы, что боюсь теперь впечатлѣнія, которое онъ произведетъ на меня, если я опять его увижу. Тамъ, особенно зимою 1794 года и осенью 1793 года, я постоянно находился въ такомъ напряженномъ состояніи, что по вечерамъ не могъ безъ слезъ смотрѣть на домики рудокоповъ, мелькавшіе на высотахъ».

Для подготовки къ путешествіямъ онъ занимался практической астрономіей, опредѣленіемъ широты и долготы мѣстъ и т. п. Среди этихъ занятій получилъ онъ въ 1796 году извѣстіе отъ брата о смерти матери, болѣвшей уже болѣе года. Такимъ образомъ исчезло главное препятствіе его планамъ: мать не хотѣла отпустить его въ отдаленное путешествіе. Въ письмѣ къ Фрейеслебену Гумбольдтъ такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ смерти матери: «Я давно уже приготовился къ

ЭР03200

этому. Смерть ея не огорчила меня, но скорѣй успокоила: по крайней мѣрѣ она не долго мучилась. Только одинъ день она испытывала бо̀льшія страданія, чѣмъ обыкновенно. Она скончалась спокойно. Ты знаешь, другъ мой, что *мое* сердце не можетъ особенно огорчаться этой потерей: мы всегда были чужды другъ другу».

Тотчасъ по полученіи извѣстія Гумбольдъ отправился въ Іену, къ брату, и началъ дѣятельно готовиться къ путешествію въ Вестъ-Индію.

Прежде всего онъ вышелъ въ отставку, рѣшившись на будущее время жить исключительно для науки.

Въ Іенѣ онъ вошелъ въ близкія сношенія съ Гёте и Шиллеромъ. Первый былъ въ восторгѣ отъ своего новаго знакомца, но Шиллеръ отозвался о немъ очень рѣзко. «Я еще не составилъ себѣ опредѣленнаго представленія о немъ, писалъ онъ Кернеру, но думаю, что, при всѣхъ своихъ талантахъ и неустанной дѣятельности, онъ никогда не создастъ въ наукѣ ничего крупнаго; мелкое безпокойное тщеславіе руководитъ его дѣятельностью. Я не замѣтилъ въ немъ ни искры чистаго, объективнаго интереса, и—какъ это ни странно покажется—я нахожу, что при огромныхъ знаніяхъ у него не хватаетъ разума, а это—самое скверное при его занятіяхъ. Это голый,—рѣжущій разсудокъ, который пытается измѣрить природу—непзмѣримую и недоступную—и съ дерзостью, для меня непонятной, думаетъ вмѣстить её въ рамки своихъ формулъ, часто скрывающихъ подъ собою только пустыя слова и всегда узкихъ. Короче, мнѣ кажется, что онъ слишкомъ мало воспріимчивъ для своего предмета и слишкомъ ограниченный человѣкъ» *).

Рѣзкость этого отзыва вѣроятно объясняется скептической и холодной натурой Гумбольдта. Мы только

*) Гумбольдтъ отзывался о Шиллерѣ не менѣе рѣзко, находя что онъ „облекаетъ занятыя у другихъ мысли въ несносную напыщенность“.

ЭР03200

что видѣли, какое впечатлѣніе произвела на него смерть матери, быть можетъ, и не умѣвшей оцѣнить способности сына, но все же заботливой и нѣжной, добросовѣстно исполнившей свой долгъ въ отношеніи дѣтей. Но Гумбольдтъ и вообще, повидимому, не отличался способностью къ сильнымъ привязанностямъ. Гуманный и привѣтливый къ людямъ вообще, всегда готовый помочь словомъ и дѣломъ каждому — и дѣйствительно помогавшій въ тысячѣ случаевъ — онъ, какъ это часто бываетъ у подобныхъ людей, не чувствовалъ сильной любви къ кому-либо въ частности — особенно теперь, въ молодости, когда въ немъ кипѣлъ избытокъ силъ и въ головѣ тѣснились грандіозные планы будущихъ работъ и путешествій.

Чувствительность, поэтическая лихорадка, «кисельныя чувства» (Breüigkeit des Gemüths), какъ онъ выражался, всегда встрѣчали съ его стороны насмѣшку, что конечно не могло нравиться Шиллеру, вѣчно до краевъ переполненному энтузіазмомъ.

Проницательный и ясный умъ его не терпѣлъ туманныхъ умозрѣній. Это конечно тоже не могло нравиться людямъ, которые находятъ грубымъ и неуютнымъ прочное зданіе науки, и видятъ грандіозные дворцы въ карточныхъ домикахъ метафизики. Но упреки, подобные упрекамъ Шиллера, всегда сыпались на головы величайшихъ дѣятелей науки. Имъ подвергался и Дарвинъ, и Ньютонъ, и Лапласъ — имъ безъ сомнѣнія и впредь будутъ подвергаться великіе ученые, потому что всегда найдутся люди, для которыхъ простое, ясное и опредѣленное будетъ казаться узкимъ, пошлымъ и сухимъ, а туманное, расплывчатое и непонятное — возвышеннымъ и величавымъ...

Изъ Іены братья отправились въ Берлинъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ о наслѣдствѣ, которыми занялся ихъ бывшій менторъ, Кунтъ. Александру до-

ЭР03200

сталось состояніе круглымъ счетомъ въ 85,000 талеровъ.

Покончивъ съ дѣлами, они намѣревались съѣздить въ Италію. Александру хотѣлось ознакомиться съ дѣйствующими вулканами; Вильгельма, филолога и эстетика, привлекали памятники классической древности. Болѣзнь жены Вильгельма задержала ихъ на нѣсколько недѣль въ Дрезденѣ; по выздоровленіи ея вся семья отправилась въ Вѣну, но тутъ опять вышла задержка. Война въ Италіи и побѣды Бонапарта заставили Гумбольдтовъ отказаться отъ поѣздки.

Въ октябрѣ 1797 г. Вильгельмъ съ семьею отправился въ Парижъ, Александръ съ Леопольдомъ фонъ-Бухомъ въ Зальцбургъ, гдѣ провелъ зиму 1797—98 гг., занимаясь геологическими и метеорологическими изслѣдованіями.

Здѣсь ему подвернулся было случай отправиться въ Африку. Онъ познакомился съ богатымъ англійскимъ лордомъ Бристолемъ, большимъ любителемъ изящныхъ искусствъ, древностей и т. п., задумывавшимъ поѣздку въ Египетъ. Пораженный свѣдѣніями Гумбольдта въ исторіи и археологіи, Бристоль предложилъ ему отправиться вмѣстѣ. Путешествіе должно было совершиться по Нилу до Ассуана; издержки бралъ на себя Бристоль. Гумбольдтъ согласился и отправился въ Парижъ для пріобрѣтенія необходимыхъ инструментовъ. Въ Парижѣ онъ долженъ былъ дождаться письма Бристоля и затѣмъ присоединиться къ нему. Но письма не получилось, а вмѣсто того Гумбольдтъ узналъ, что лордъ Бристоль арестованъ по приказу директоріи, заподозрившей въ его путешествіи политическую интригу со стороны Англіи.

За этой неудачей послѣдовало нѣсколько другихъ.

Вообще, время тогда было несовсѣмъ благопріятное для большихъ экспедицій. Броженіе, охватившее всю Европу, безпрестанныя войны, политическія передряги

ЭР03200

не оставляли въ покоѣ и мирныхъ ученыхъ. Правительства, подозрительно слѣдившія другъ за другомъ, не довѣряли и ученымъ путешественникамъ, склонны были подозрѣвать въ ихъ экспедиціяхъ тайныя политическія цѣли.

Политическая неурядица помѣшала путешествію Гумбольдта въ Египетъ; изъ-за нея-же онъ долженъ былъ отказаться отъ плановъ на кругосвѣтное плаваніе. Въ Парижѣ онъ узналъ, что директорія намѣрена снарядить экспедицію съ научными цѣлями вокругъ свѣта, подъ начальствомъ капитана Бодэна. Въ качествѣ натуралистовъ ее должны были сопровождать Мишо и Бонпланъ. Гумбольдтъ поспѣшилъ познакомиться съ ними и особенно близко сошелся съ послѣднимъ, молодымъ ботаникомъ, страстно преданнымъ своей наукѣ и, также какъ Гумбольдтъ, мечтавшемъ о путешествіи.

Экспедиція однако не состоялась. Финансы Франціи были въ самомъ плачевномъ состояніи, а между тѣмъ непрерывныя войны, которымъ и конца не предвидѣлось, требовали большихъ издержекъ. Въ виду этого директорія рѣшилась отказаться отъ экспедиціи.

Думалъ было Гумбольдтъ присоединиться къ экспедиціи французскихъ ученыхъ въ Египетъ, но пораженіе французскаго флота Нельсономъ при Абукирѣ прекратило сношенія Франціи съ Александріей.

Въ то время какъ эти различные планы составлялись и лопались, Гумбольдтъ жилъ въ Парижѣ, вращаясь главнымъ образомъ въ кругу ученыхъ. Парижъ понравился ему и навсегда остался его любимымъ городомъ. Онъ перезнакомился и подружился съ самыми выдающимися натуралистами и математиками того времени и пріобрѣлъ огромную популярность во французскомъ обществѣ.

Осенью 1798 г. случилось ему познакомиться съ шведскимъ консуломъ Сквельдебрандомъ, который отправлялся въ Алжиръ съ подарками дею отъ шведскаго пра-

ЭР03200

вительства. Гумбольдтъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для путешествія по Африкѣ. Консулъ охотно согласился перевести его въ Алжиръ, и Гумбольдтъ, запасшись необходимыми инструментами, отправился вмѣстѣ съ своимъ новымъ другомъ, Бонпланомъ, въ Марсель, куда долженъ былъ явиться шведскій фрегатъ, чтобы перевести консула и его спутниковъ. Но тщетно они ожидали его втеченіе двухъ мѣсяцевъ, ежедневно взбираясь на гору «Notre dame de la Garde», откуда открывался широкій видъ на море и можно было видѣть приближающіеся корабли—фрегатъ не являлся, и наконецъ пришло извѣстіе, что онъ сильно пострадалъ отъ бури и не явится раньше слѣдующаго года.

Возвращаться однако было черезчуръ обидно, да и видъ моря раззадорилъ жажду къ путешествіямъ; поэтому друзья рѣшили ѣхать во что бы то ни стало. Въ Марсели стояло небольшое судно, отправлявшееся въ Тунисъ; капитанъ его взялся перевезти нашихъ путешественниковъ. Къ счастью, во-время пришедшее извѣстіе объ арестованіи всѣхъ французовъ въ Тунисѣ удержало Гумбольдта. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о путешествіи въ Африку. Въ виду этого Гумбольдтъ и Бонпланъ рѣшились отправиться пока въ Испанію и тамъ поискать случая къ дальнѣйшему путешествію. Америка, Африка, Азія — для нихъ было въ сущности безразлично: всѣ страны одинаково новы и стало быть, одинаково интересны; имъ хотѣлось собственно увидѣть тропическій міръ, ознакомиться съ тропической природой. Пока приходилось довольствоваться той, которая была подъ руками. Впрочемъ, и въ ней представлялось достаточно матеріала для изслѣдованій: во время поѣздки по Испаніи Гумбольдтъ опредѣлилъ высоту многихъ пунктовъ, изучалъ климатическія условія страны, орографію и пр.; Бонпланъ собиралъ растенія.

ЭР03200

Въ началѣ февраля 1799 года они прибыли въ Мадритъ. Здѣсь Гумбольдтъ ознакомился съ мѣстными учеными и знатью—и ему удалось наконецъ привести въ исполненіе давно задуманный планъ. Саксонскій посланникъ Форель познакомилъ его съ испанскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, домомъ Луисомъ Уркихо, который отнесся къ его планамъ вполнѣ сочувственно и доставилъ ему аудіенцію у короля. Привыкшій бесѣдовать и ладить съ сильными міра, Гумбольдтъ съумѣлъ заинтересовать короля настолько, что послѣдній далъ ему разрѣшеніе посѣтить и изслѣдовать испанскія владѣнія въ Америкѣ и Тихомъ Океанѣ безъ всякихъ стѣснительныхъ условій и обязательствъ. Мѣстнымъ властямъ были разосланы предписанія оказывать путешественникамъ всякое содѣйствіе; Гумбольдтъ и Бонпланъ получили паспорта и разрѣшеніе пользоваться астрономическими и геодезическими инструментами, снимать планы, опредѣлять высоты, собирать естественныя произведенія, которыя покажутся имъ интересными, и пр.

Со стороны подозрительнаго испанскаго правительства, ревниво оберегавшаго свои владѣнія отъ посторонникъ взоровъ, такая довѣрчивость—да еще въ тревожное, смутное время — была по истинѣ замѣчательнымъ явленіемъ. «Никогда путешественникъ не получалъ такой неограниченной свободы дѣйствій, говоритъ по поводу этого самъ Гумбольдтъ, никогда испанское правительство не оказывало такого довѣрія иностранцу».

Но если легко было получить разрѣшеніе, то воспользоваться имъ оказалось довольно трудно, благодаря все той-же политикѣ. Портъ Корунья, откуда Гумбольдтъ и Бонпланъ намѣревались отплыть въ Америку, былъ блокированъ англійскими кораблями, такъ какъ Испанія въ то время воевала съ Англіей. Пришлось дожидаться удобнаго случая, чтобы проскользнуть незамѣтно мимо англичанъ. Въ ожиданіи его наши путешественники

ЭР03200

продолжали заниматься научными изслѣдованіями. Между прочимъ Гумбольдту удалось открыть важный въ практическомъ отношеніи фактъ: быстрое пониженіе температуры воды при приближеніи къ мели. Оказалось, что термометръ во многихъ случаяхъ выдаетъ существованіе послѣдней раньше, чѣмъ лотъ и такимъ образомъ можетъ предупредить моряка о близкой опасности.

Наконецъ наступилъ давно желанный день. Сильная буря заставила англійскіе корабли удалиться отъ испанскаго берега въ открытое море, и капитанъ корвета «Пизарро», на которомъ отправлялись Гумбольдтъ и Бонпланъ, рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ.

Свои ощущенія въ день отъѣзда Гумбольдтъ выражаетъ въ письмѣ къ Фрейеслебену: «Голова моя кружится отъ радости. Какую массу наблюденій соберу я для своего описанія строенія земного шара».—И къ Моллю: «Я буду собирать растенія и минералы, производить астрономическія наблюденія при помощи превосходныхъ инструментовъ, изслѣдовать химическій составъ воздуха... Но все это не составляетъ главной цѣли моего путешествія. Мое вниманіе будетъ устремлено на взаимодѣйствіе силъ, вліяніе неодушевленной природы на растительный и животный міръ, ихъ гармонію».—«Моя главная цѣль, писалъ онъ Лаланду немного позднѣе, уже изъ Америки, — *физика міра*, строеніе земного шара, анализъ воздуха, физіологія растеній и животныхъ, наконецъ—общія отношенія органическихъ существъ къ неодушевленной природѣ—эти занятія заставляютъ меня охватывать много предметовъ заразъ».

Въ бурную темную ночь Гумбольдтъ и Бонпланъ оставили европейскій материкъ. Врядъ-ли когда путешественникъ отправлялся такъ хорошо подготовленнымъ къ своей задачѣ, какъ Гумбольдтъ. Путешествія по Европѣ развили въ немъ привычку къ наблюденіямъ и

*

ЭР03200

ознакомили его практически съ пріемами изслѣдованій, съ употребленіемъ инструментовъ, которыми приходится пользоваться путешественнику. Самостоятельныя занятія въ разнообразныхъ отрасляхъ естествознанія поставили его au courant научнаго движенія: онъ зналъ, *что* нужно наблюдать и изслѣдовать, какіе вопросы стоятъ на очереди. Основная цѣль его стремленій уяснилась настолько, чтобы служить руководящей нитью въ лабиринтѣ разнообразныхъ изслѣдованій. Наконецъ объ энтузіазмѣ, о научномъ рвеніи, о жаждѣ знаній—и говорить нечего.

ДВГНБ

ЭР03200

III.

Гумбольдтъ въ Америкѣ.

Канарскіе острова.—Впечатлѣнія Гумбольдта.—Кумана.—Тропическая природа.—Миссіонеры.—Землетрясеніе.—Плаваніе по Ориноко.—Ночи въ дѣвственномъ лѣсу.—Неудобства путешествія.—Антильскіе острова.—Бразилія.—Торжественный пріемъ въ Санта-фе-де-Богота.—Переходъ черезъ Анды.—Перу.—Восхожденіе на Чимборазо.—Мексика.—Возвращеніе въ Европу.—Результаты путешествія.

(1799—1804).

Плаваніе совершалось благополучно и быстро. Матеріалъ для изслѣдованій представился въ достаточномъ изобиліи съ первыхъ же дней. Морскія теченія, морскія животныя и растенія, фосфоресценція моря и т. п.—все это было ново и интересно для Гумбольдта, все это было еще едва затронуто наукой.

Первая внѣевропейская почва, на которую вступилъ Гумбольдтъ послѣ отплытія изъ Испаніи, были Канарскіе острова.

«Невозможно передать словами, говоритъ онъ по этому поводу, какое чувство испытываетъ натуралистъ, вступая первый разъ на неевропейскую почву. Вниманіе устремляется на такую массу предметовъ, что едва можешь разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ. На каждомъ шагу ожидаешь увидѣть новое и въ этомъ настроеніи часто не узнаешь предметы, которые принадлежатъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ въ нашихъ музеяхъ и ботаническихъ садахъ».

ЭР03200

На Канарскихъ островахъ путешественники пробыли нѣсколько дней, поднимались на Тенерифскій Пикъ и занимались метеорологическими, ботаническими и проч. изслѣдованіями. Здѣсь, при видѣ различныхъ растительныхъ поясовъ Пика-де Тейде, появляющихся одинъ надъ другимъ по мѣрѣ движенія къ вершинѣ, явилась у Гумбольдта мысль о связи растительности съ климатомъ, положенная имъ въ основу ботанической географіи.

Дальнѣйшее путешествіе совершалось также безпрепятственно. Ни англійскіе крейсеры, ни бури не тронули путешественниковъ. Только къ концу плаванія эпидемія, открывшаяся на кораблѣ, заставила ихъ высадиться раньше, чѣмъ они предполагали: именно въ Куманѣ, на берегу Венецуэллы, 16 іюля 1799 года.

Богатство и разнообразіе тропической природы совершенно вскружило имъ головы. «Мы—въ благодатнѣйшей и богатѣйшей странѣ! — писалъ Гумбольдтъ брату. — Удивительныя растенія, электрическіе угри, тигры, броненосцы, обезьяны, попугаи и многое множество настоящихъ, полудикихъ индѣйцевъ: прекрасная, интересная раса... Мы бѣгаемъ, какъ угорѣлые; въ первые три дня не могли ничего опредѣлить: не успѣемъ взяться за едно—бросаемъ и хватаемся за другое. Бонпланъ увѣряетъ, что сойдетъ съ ума, если эти чудеса не скоро исчерпаются. Но еще прекраснѣе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ чудесъ общее впечатлѣніе этой природы—могучей, роскошной и въ то-же время легкой, веселой и мягкой»...

Изъ Куманы они предприняли рядъ экскурсій въ сосѣднія мѣстности; между прочимъ въ Карипе, поселеніе католическихъ миссіонеровъ, которые приняли ихъ любезно, хотя и удивлялись чудачеству людей, предпринимающихъ далекое и опасное путешествіе для собиранія растеній, камней, птичьихъ шкурокъ и т. под. «дряни». Старый пріоръ откровенно высказалъ это Гумбольдту,

ЭР03200

прибавивъ, что по его мнѣнію изъ всѣхъ удовольствій жизни, не исключая даже сна, нѣтъ ничего лучше хорошаго куска говядины.

Нѣсколько позднѣе, другой патеръ ни за что не хотѣлъ вѣрить въ научную цѣль путешествія Гумбольдта и, подобно Тяпкину-Ляпкину у Гоголя, заподозрилъ въ ихъ поѣздкѣ «тайную и болѣе политическую причину» — «Такъ вамъ и повѣрятъ,—замѣтилъ онъ, — что вы бросили свою родину и отдали себя на съѣденіе москитамъ, чтобы измѣрять земли, которыя вамъ не принадлежатъ».

Не мудрено, что подъ руководствомъ такихъ просвѣтителей индѣйцы очень мало подвинулись впередъ сравнительно съ своими дикими соплеменниками. «Въ лѣсахъ Южной Америки, говоритъ Гумбольдтъ, обитаютъ племена, спокойно проводящія жизнь въ своихъ деревняхъ, подъ управленіемъ своихъ вождей, и воздѣлывающіе довольно обширныя плантаціи пизанга, маніока и хлопчатой бумаги. Они вовсе не болѣе варвары, чѣмъ индѣйцы миссій, пріучившіеся креститься».

Въ Куманѣ путешественникамъ въ первый разъ въ жизни пришлось испытать землетрясеніе. «Съ самаго дѣтства — говоритъ по поводу этого Гумбольдтъ—привыкли мы считать воду подвижнымъ элементомъ, землю же незыблемой, твердой массой. Этому учитъ повседневный опытъ. Землетрясеніе разомъ уничтожаетъ этотъ давнишній обманъ. Это—родъ пробужденія, но очень непріятнаго: чувствуешь, что обманывался кажущимся спокойствіемъ природы, начинаешь прислушиваться ко всякому шуму и не довѣряешь почвѣ, по которой издавна привыкъ ходить довѣрчиво. Но если удары повторяются втеченіе нѣсколькихъ дней, то недовѣріе скоро исчезаетъ, и съ землетрясеніемъ свыкаешься, какъ кормчій съ качкой корабля».

Изъ Куманы путешественники отправились въ Ка-

ЭР03200

ракасъ, главный городъ Венецуэллы, гдѣ пробыли два мѣсяца; отсюда въ городокъ Апуре на рѣкѣ того же имени, по которой хотѣли спуститься въ Ориноко, подняться къ его верховью и убѣдиться, точно ли система Ориноко соединяется съ системой Амазонки. Слухи объ этомъ ходили уже давно; но точныхъ свѣдѣній не было, а между тѣмъ фактъ представлялся интереснымъ, такъ какъ обыкновенно каждая великая рѣчная система образуетъ отдѣльное, независимое цѣлое. Дорога до Апуре вела черезъ безконечныя травянистыя степи, льяносы, такъ художественно описанныя Гумбольдтомъ въ «Картинахъ природы». Здѣсь путешественники познакомились съ «гимнотами», электрическими угрями, которые тѣмъ болѣе заинтересовали Гумбольдта, что онъ давно уже занимался животнымъ электричествомъ.

Вообще, въ матеріалѣ для изслѣдованій недостатка не было. Все, каждая область явленій этой роскошной природы, представляло массу новаго. Растительный и животный міръ, геологія и орографія, климатъ—все въ этой странѣ было почти или вовсе не затронуто изслѣдованіемъ, такъ что путешествіе Гумбольдта и Бонплана по справедливости называютъ вторымъ — *научнымъ* — открытіемъ Америки.

Въ Апуре путешественники наняли пирогу съ пятью индѣйцами. Здѣсь начиналась наиболѣе интересная часть путешествія, такъ какъ теперь они вступали въ область, о которой имѣлись самыя смутныя свѣдѣнія.

Днемъ путешественники плыли въ своемъ челнѣ, любуясь картинами дикой природы. Часто тапиръ, ягуаръ или стадо пеккари пробирались по берегу или выходили къ водѣ напиться, не обращая вниманія на плывшую мимо лодку. На песчаныхъ отмеляхъ грѣлись кайманы, которыми изобилуетъ эта рѣка; въ прибрежныхъ кустахъ трещали попугаи, гокко и другія птицы. Все это населеніе, не привычное къ виду человѣка, почти не выка-

ЭР03200

зывало страха при его приближеніи. «Все здѣсь напоминаетъ—говоритъ Гумбольдтъ—о первобытномъ состояніи міра, невинность и счастье котораго рисуютъ намъ древнія преданія всѣхъ народовъ. Но если наблюдать попристальнѣе взаимныя отношенія животныхъ, то вскорѣ убѣждаешься, что они боятся и избѣгаютъ другъ друга. Золотой вѣкъ миновалъ; и въ этомъ раю американскихъ лѣсовъ, какъ и повсюду, долгій печальный опытъ научилъ всѣхъ тварей, что сила и кротость рѣдко идутъ рука объ руку».

Ночью выходили на берегъ и располагались на ночлегъ около костра, разведеннаго въ защиту отъ ягуаровъ. Въ первое время путешественники почти не спали изъ-за страшнаго шума, поднимавшагося въ лѣсу по ночамъ. Этотъ шумъ происходитъ вслѣдствіе постоянной войны между обитателями лѣса. Ягуаръ преслѣдуетъ тапира или стадо водосвинокъ; эти бросаются въ густой кустарникъ, съ трескомъ ломая сучья и хворостъ; обезьяны, разбуженныя шумомъ, поднимаютъ вопль съ верхушекъ деревьевъ; имъ отвѣчаютъ испуганныя птицы, и мало по малу все населеніе пробуждается и наполняетъ воздухъ визгомъ, свистомъ, трескомъ, ревомъ, воплями и криками на всевозможные лады и тоны. Кромѣ этой адской музыки донимали нашихъ путниковъ и москиты—вѣчный предметъ жалобъ со стороны путешественниковъ—муравьи, клещи—особенный видъ, который внѣдряется въ кожу и «бороздитъ ее какъ пашню», и т. п.

На шестой день плаванія достигли р. Ориноко, гдѣ съ самаго начала едва не погибли вслѣдствіе сильнаго порыва вѣтра и неловкости рулевого. Къ счастью, все обошлось благополучно, и путешественники отдѣлались потерей нѣсколькихъ книгъ и части съѣстныхъ припасовъ. Нѣсколько дней они провели въ миссіи Атуресъ, осмотрѣли находящіеся по близости водопады и отправились далѣе по Ориноко. Имъ удалось добраться до его

ЭР03200

верховьевъ и убѣдиться, что Ориноко дѣйствительно соединяется съ притокомъ Амазонской рѣки—Ріо-Негро—посредствомъ протока Кассиквіаре. Плаваніе по этому послѣднему было самою трудною частью путешествія. Москиты одолѣвали путешественниковъ; съѣстныхъ припасовъ не хватало; приходилось дополнять этотъ недостатокъ муравьями—особенной породой, въ изобиліи водящейся въ этой мѣстности и употребляемой въ пищу индѣйцами. Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ присоединялась возроставшая тѣснота въ лодкѣ, которая мало по малу загромождалась коллекціями и цѣлымъ звѣринцемъ: восемь обезьянъ, нѣсколько попугаевъ, туканъ и проч. дѣлили съ путешественниками ихъ тѣсное помѣщеніе.

Убѣдившись въ соединеніи двухъ рѣчныхъ системъ, Гумбольдтъ и Бонпланъ спустились по Ориноко до Ангостуры, главнаго города Гвіаны. Здѣсь окончилась первая часть ихъ путешествія.

«Втеченіе четырехъ мѣсяцевъ, писалъ Гумбольдтъ Вильденову, мы ночевали въ лѣсахъ, окруженные крокодилами, боа и тиграми (которые здѣсь нападаютъ даже на лодки), питаясь только рисомъ, муравьями, маніокомъ, пизангомъ, водой Ориноко и изрѣдка обезьянами... Въ Гвіанѣ, гдѣ приходится ходить съ закрытой головой и руками, вслѣдствіе множества москитовъ, переполняющихъ воздухъ, почти невозможно писать при дневномъ свѣтѣ: нельзя держать перо въ рукахъ—такъ яростно жалятъ насѣкомыя. Поэтому всѣ наши работы приходилось производить при огнѣ, въ индѣйской хижинѣ, куда не проникаетъ солнечный лучъ и куда приходится вползать на карачкахъ... Въ Хигероте зарываются въ песокъ, такъ что только голова выдается наружу, а все тѣло покрыто слоемъ земли въ 3—4 дюйма. Тотъ, кто не видѣлъ этого, сочтетъ мои слова басней... Несмотря на постоянныя перемѣны влажности, жары и горнаго

ЭР03200

холода, мое здоровье и настроеніе духа сильно поправились съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Испанію. Тропическій міръ—моя стихія и я никогда не пользовался такимъ непрерывнымъ здоровьемъ, какъ въ послѣдніе два года».

Изъ Ангостуры путешественники отправились въ Гаванну, гдѣ пробыли нѣсколько мѣсяцевъ, дѣлая экскурсіи въ различныя мѣстности острова Кубы и изучая природу и политическое состояніе Антильскихъ острововъ. Нужно-ли говорить, что рабство негровъ встрѣтило въ Гумбольдтѣ рѣшительнаго и краснорѣчиваго противника? Съ особеннымъ негодованіемъ говоритъ онъ о «писателяхъ, которые стараются прикрыть двусмысленными словами варварство этихъ отношеній, изобрѣтая термины негровъ-крестьянъ, ленной зависимости черныхъ и патріархальнаго покровительства. Но изобрѣтать такіе термины—прибавляетъ онъ—для того чтобы затемнить постыдную истину—значитъ осквернять благородныя силы духа и призваніе писателя».

Покончивъ съ Антильскими островами, Гумбольдтъ и Бонпланъ хотѣли отправиться въ Мексику, но извѣстіе объ отплытіи капитана Бодена въ Южную Америку—впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ—заставило ихъ измѣнить планъ. Гумбольдтъ еще во Франціи условился соединиться съ Боденомъ, если экспедиція состоится, и потому, получивъ извѣстіе, рѣшилъ немедленно отправиться въ Перу.

Друзья переправились въ Бразилію, поднялись въ лодкѣ къ верховьямъ р. Магдалены, а отсюда добрались до главнаго города Бразиліи, Санта-фе-де-Богота. Тутъ встрѣтили ихъ весьма торжественно. Архіепископъ выслалъ путешественникамъ свои экипажи, знатнѣйшія лица города выѣхали къ нимъ на встрѣчу—словомъ, ихъ прибытіе въ столицу Бразиліи было почти тріумфальнымъ шествіемъ. Конечно тутъ не осталась безъ

ЭР03200

вліянія необычайная любезность испанскаго правительства, оказанная Гумбольдту.

Посвятивъ довольно долгое время изученію плато Санта-Фе, путешественники отправились въ Квито черезъ проходъ Квиндіу въ Кордильерахъ. Это былъ опасный и утомительный переходъ: пѣшкомъ, по узкимъ ущельямъ, подъ проливнымъ дождемъ, безъ обуви, которая быстро износилась и развалилась. Приходилось, промокнувъ до нитки, ночевать подъ открытымъ небомъ, брести, утопая въ грязи, карабкаться по узкимъ тропинкамъ... Какъ бы то ни было переходъ совершился благополучно, и въ январѣ 1802 года путешественники достигли г. Квито.

Въ благодатномъ климатѣ Перу были забыты всѣ невзгоды путешествія. Около года Гумбольдтъ и Бонпланъ оставались въ этой части Америки, изучая со всевозможныхъ точекъ зрѣнія ея богатую природу. Гумбольдтъ поднимался между прочимъ на вулканы Пичинчу, Котопахи, Антизану и др. и на высочайшую—какъ тогда думали—гору въ свѣтѣ, Чимборазо. Впослѣдствіи оказалось, что даже въ Америкѣ—не говоря уже о старомъ свѣтѣ—есть болѣе высокія горы; но въ то время этого не знали, и самолюбію Гумбольдта льстило сознаніе, что онъ первый взобрался на высочайшую точку земного шара.

Изъ Южной Америки они отправились въ Мексику, гдѣ намѣревались пробыть лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ вернуться въ Европу. Но богатство природы въ этой странѣ, также весьма мало изслѣдованной въ научномъ отношеніи, задержало ихъ гораздо долѣе, чѣмъ они разсчитывали. Гумбольдтъ опредѣлилъ географическое положеніе различныхъ пунктовъ, изучалъ дѣятельность вулкановъ—между прочимъ знаменитаго Іорульо, образовавшагося въ 1755 году—произвелъ массу барометрическихъ измѣреній, подавшихъ ему

ЭР03200

мысль изображать орографію мѣстности въ видѣ *профилей*, представляющихъ вертикальное сѣченіе страны въ извѣстномъ направленіи, изслѣдовалъ пирамиды и храмы древнихъ обитателей Мексики—ацтековъ и толтековъ, изучалъ исторію и политическое состояніе страны, и проч., и проч.

Наконецъ, 9 іюля 1804 года, послѣ почти пятилѣтняго пребыванія въ Америкѣ, Гумбольдтъ и Бонпланъ отплыли въ Европу и 3 августа того же года высадились въ Бордо.

Результаты ихъ путешествія были громадны.

До Гумбольдта только одинъ пунктъ внутри Южной Америки—Квито—былъ точно опредѣленъ астрономически; геологическое строеніе ея было вовсе не извѣстно, и т. д. Гумбольдтъ опредѣлилъ широту и долготу многихъ пунктовъ, произвелъ около 700 гипсометрическихъ измѣреній (измѣреніе высотъ), т. е. создалъ географію и орографію мѣстности, изслѣдовалъ ея геологію, собралъ массу данныхъ о климатѣ страны и уяснилъ его отличительныя черты. Далѣе, путешественники собрали огромныя ботаническія и зоологическія коллекціи — однихъ растеній около 4,000 видовъ, въ томъ числѣ 1,800 новыхъ для науки. Было доказано соединеніе системъ Амазонки и Ориноко; исправлены и пополнены карты теченія обѣихъ рѣкъ; опредѣлено направленіе нѣкоторыхъ горныхъ цѣпей и открыты новыя, дотолѣ неизвѣстныя (напр. Анды Паримы), уяснено распредѣленіе горъ и низменностей; нанесено на карту морское теченіе вдоль западныхъ береговъ Америки, названное «Гумбольдтовымъ», и т. д. Не оставлены безъ вниманія и этнографія, археологія, исторія, языки, политическое состояніе посѣщенныхъ странъ: по всѣмъ этимъ предметамъ собрана масса матеріала, разработаннаго впослѣдствіи частью самимъ Гумбольдтомъ, частью его сотрудниками.

ЭР03200

Но еще драгоцѣннѣе этой громады фактовъ были общіе выводы, почерпнутые Гумбольдтомъ изъ изученія тропической природы и развитые въ цѣломъ рядѣ трудовъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже.

Исторія путешествій знаетъ экспедиціи гораздо болѣе опасныя, трудныя, отдаленныя—и гораздо болѣе эффектныя! — экспедиціи, въ которыхъ приходилось испытывать неслыханныя страданія, видѣть смерть лицомъ къ лицу почти на каждомъ шагу... Но врядъ-ли можно указать путешествіе, которое принесло бы такіе богатые плоды въ разнообразнѣйшихъ отрасляхъ науки. И врядъ-ли могъ Гумбольдтъ выбрать страну, болѣе подходившую къ его стремленіямъ, чѣмъ тропическая Америка. Здѣсь онъ могъ наблюдать грандіознѣйшія явленія природы, сконцентрированныя на небольшомъ пространствѣ. Землетрясенія, вулканы—потухшіе, дѣйствующіе и образовавшіеся почти на глазахъ, какъ Іорулло; огромныя рѣки, водопады; безконечныя степи и дѣвственные лѣса, гдѣ каждое дерево въ свою очередь несетъ на себѣ цѣлый лѣсъ ліанъ, орхидей и т. п.; всѣ климаты и всѣ типы растительнаго и животнаго міра: въ долинахъ—роскошь тропической природы; на вершинахъ горъ—мертвечина далекаго сѣвера—словомъ, все, что въ силахъ подарить природа, все, что можетъ поразить воображеніе,—все, кажется,—собралось здѣсь въ неисчерпаемомъ разнообразіи формъ и красокъ, подавляя своимъ величіемъ простыхъ смертныхъ, но сочетаясь въ грандіозное и гармоническое цѣлое въ умѣ Гумбольдтовъ.

ЭР03200

IV.

Жизнь въ Парижѣ.

Гумбольдтъ въ Парижѣ.—Пріемъ въ парижскомъ обществѣ.—Холодность Наполеона. Изданіе американскаго путешествія.—«Виды природы».—Поѣздка въ Италію и Берлинъ.—Политическое униженіе Пруссіи.—Возвращеніе въ Парижъ.—Жизнь въ Парижѣ.—Занятія Гумбольдта.—Его популярность.—Его великодушіе.—Отзывъ Либиха.—Планы путешествія въ Азію и ихъ неудача.—Поѣздки по Европѣ.—Отъѣздъ Бонплана въ Америку и его дальнѣйшая судьба.—Гумбольдтъ въ Аахенѣ.—Поѣздка по Италіи съ королемъ.—Переселеніе въ Берлинъ

(1804—1827)

Изъ Бордо путешественники поспѣшили въ Парижъ для приведенія въ порядокъ и разработки своихъ коллекцій. Въ это время Вильгельмъ Гумбольдтъ находился въ Римѣ, въ качествѣ резидента при папскомъ дворѣ. Здѣсь получилъ онъ письмо Александра, въ которомъ тотъ извѣщалъ о своемъ намѣреніи вернуться въ Европу. Черезъ нѣсколько времени распространился слухъ, что Александръ умеръ отъ желтой лихорадки. Разумѣется, этотъ слухъ произвелъ переполохъ въ семьѣ Гумбольдта. Самъ Вильгельмъ не могъ отлучиться отъ мѣста службы, но жена его отправилась въ Парижъ навести болѣе точныя справки. Тутъ однако опасенія ея вскорѣ разсѣялись, такъ какъ было получено письмо, извѣщавшее о прибытіи Гумбольдта въ Бордо; а вскорѣ затѣмъ явился и онъ самъ—цѣлый, невредимый и даже поздоровѣвшій, пополнѣвшій и

ЭР03200

болѣе чѣмъ когда либо живой, веселый и разговорчивый. Въ Парижѣ онъ былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ. «Врядъ-ли, говоритъ г-жа Гумбольдтъ, когда либо появленіе частнаго лица возбуждало такое вниманіе и такой общій интересъ». Причиной этого была не только его ученая слава и интересъ къ его путешествію, о результатахъ котораго уже знали кое-что изъ его писемъ, но и его личное знакомство съ большинствомъ французскихъ ученыхъ, среди которыхъ онъ пользовался огромной популярностью за свой общительный, благодушный характеръ, остроуміе и краснорѣчіе. Только при французскомъ дворѣ ему почему-то не посчастливилось. Онъ представлялся Наполеону I, но великій полководецъ и самодуръ принялъ его холодно и ограничился пренебрежительнымъ замѣчаніемъ: — «Вы занимаетесь ботаникой? Моя жена тоже занимается ею».

Гумбольдтъ рѣшилъ остаться въ Парижѣ для разработки и изданія собранныхъ имъ матеріаловъ — частью потому, что ни въ какомъ другомъ городѣ не представлялось такого богатства научныхъ пособій и такого блестящаго общества ученыхъ, — частью же просто изъ любви къ Парижу и французскому обществу.

Изданіе Американскаго путешествія потребовало многихъ лѣтъ и сотрудничества многихъ ученыхъ. Скажемъ здѣсь-же нѣсколько словъ объ этомъ гигантскомъ трудѣ.

Первый томъ его вышелъ въ 1807 году, послѣдній — въ 1833 г. Самъ Гумбольдтъ взялъ на себя главнымъ образомъ общіе выводы, сотрудники обработывали фактическій матеріалъ. Вычисленіемъ астрономическихъ наблюденій занялся Ольтмансъ, опредѣленіемъ и описаніемъ растеній — Бонпланъ и Кунтъ (родственникъ воспитателя Гумбольдтовъ); въ обработкѣ зоологическаго матеріала приняли участіе Кювье, Валансьеннъ и Латрейль; минералогическаго — Клапротъ и Вокеленъ; окаменѣлости были опредѣлены Л. фонъ-Бухомъ.

ЭР03200

Гумбольдту принадлежитъ описаніе путешествія («Историческій отчетъ etc., 3 т. in 4o), общая картина природы, климата, геологическаго строенія, жизни и памятниковъ дикихъ племенъ страны и пр. («Виды Кордильеровъ», 2 т. 4o и 69 табл.), трактатъ о географическомъ распредѣленіи растеній («Опытъ о географ. раст.»), сборникъ изслѣдованій по зоологіи и сравнительной анатоміи (2 т.) и трактаты о политическомъ состояніи испанскихъ колоній («Политическій опытъ о Новой Испаніи», 2 т. съ 20 карт. и «Политич. опытъ объ островѣ Кубѣ», 2 т.).

Все изданіе состоитъ изъ 30 томовъ, содержитъ 1425 таблицъ, частью раскрашенныхъ, и стоитъ 2553 талера. Оно напечатано въ Парижѣ, на французскомъ, а частью на латинскомъ языкѣ.

Само собою разумѣется, что для публики такое сочиненіе было недоступно. «Увы! увы! жалуется Гумбольдтъ въ письмѣ къ Бергаузу (1830 г.), мои книги не приносятъ мнѣ выгоды, на которую я разсчитывалъ: онѣ слишкомъ дороги. Кромѣ одного единственнаго экземпляра моего путешествія, который я оставилъ у себя для собственнаго употребленія, въ Берлинѣ имѣются еще только два. Одинъ — полный — въ королевской библіотекѣ, другой — въ домашней библіотекѣ короля, но неполный: и для короля сочиненіе оказалось слишкомъ дорогимъ».

О результатахъ путешествія и массѣ послѣдующихъ работъ, монографій, статей и замѣтокъ по разнымъ вопросамъ естествознанія мы еще будемъ говорить, здѣсь-же упомянемъ о другой сторонѣ дѣятельности Гумбольдта—стремленіи передать результаты своихъ изслѣдованій въ художественной, популярной формѣ, доступной для читателя-неспеціалиста. Результатомъ этого стремленія явились (кромѣ описаній въ «Историч. отчетѣ», «Видахъ Кордильеровъ» и др.) въ 1808 году

ЭР03200

«Картины природы» («Ansichten der Natur»)—рядъ картинъ тропической природы, нарисованныхъ съ удивительнымъ мастерствомъ. Книга была переведена на всѣ европейскіе языки и безъ сомнѣнія представляетъ одинъ изъ важныхъ камней въ памятникѣ славы Гумбольдта. Если изъ богатой популярной литературы нашего столѣтія что-нибудь уцѣлѣетъ въ грядущихъ вѣкахъ, то въ числѣ этихъ уцѣлѣвшихъ произведеній первое мѣсто займутъ конечно «Картины природы». Это художественное произведеніе—не имѣющее себѣ равныхъ по красотѣ, силѣ и сжатости и ложенія. Именно послѣднее свойство—сжатость, способность въ немногихъ словахъ и на немногихъ страницахъ сконцентрировать самыя яркія черты изображаемаго міра—выгодно отличаетъ эту книгу отъ другихъ выдающихся произведеній въ томъ-же родѣ, какъ напр. «Сцены природы» Одюбона и др. Вообще, это лучшее изъ популярныхъ произведеній Гумбольдта. «Космосъ» превосходитъ его глубиной и разнообразіемъ содержанія, но далеко уступаетъ «Картинамъ природы» въ красотѣ, живости и свѣжести изображенія.

Вернемся къ прерванной біографіи Гумбольдта. Около года онъ провозился въ Парижѣ съ разборкой и приведеніемъ въ порядокъ коллекцій, занимаясь въ то-же время изслѣдованіемъ химическаго состава воздуха съ Гэй Люссакомъ.

Въ слѣдующемъ 1805 году онъ отправился въ Италію, къ брату, которому передалъ матеріалы для изученія американскихъ нарѣчій собранные во время путешествія; затѣмъ съѣздилъ въ Неаполь—посмотрѣть на изверженіе Везувія, случившееся въ этомъ году. Въ этой экскурсіи сопровождали его Гэй-Люссакъ и Л. ф. Бухъ.

Изъ Неаполя Гумбольдтъ отправился въ Берлинъ, въ самый разгаръ австро-французской войны, закончившейся Аустерлицемъ. Суматоха военнаго времени и

ЭР03200

скверная погода сильно затрудняли эту поѣздку. «Мое путешествіе черезъ Вѣну и Фрейбергъ затруднено войною.. Наука теперь перестала быть палладіумомъ... А Готтардскій проходъ! какими ливнями, снѣгомъ и градомъ встрѣтили насъ Альпы! Намъ пришлось-таки потерпѣть на пути отъ Лугано до Люцерна. И это называется—должно быть въ шутку—умѣреннымъ климатомъ!».

Въ Берлинѣ онъ прожилъ отъ 1806 до 1807 г.—годы сильнѣйшаго политическаго униженія Пруссіи. Послѣ Аустерлица Австрія поспѣшила заключить миръ съ Наполеономъ, но Россія еще не хотѣла уступать Въ 1806 году она ополчилась на Францію въ союзѣ съ Пруссіей. Кампанія однако кончилась также быстро, какъ и предыдущая. Битвы подъ Іеной, Ауэрштетомъ и Фридландомъ принудили союзниковъ заключить миръ (1807 г.) Берлинъ былъ занятъ французскими войсками. Пруссія низведена на степень второклассной державы, территорія ея уменьшена на половину.

Гумбольдтъ занимался въ это время магнитными наблюденіями—такъ усердно, что нѣсколько ночей провелъ почти безъ сна, писалъ «Картины природы» и, кажется, не особенно заботился о политическихъ невзгодахъ своей родины.

Какъ ни стараются нѣмцы представить его патріотомъ, но въ сущности въ немъ была слишкомъ сильна космополитическая закваска. Сѣмена, брошенныя Форстеромъ, упали на плодородную почву. Притомъ-же, какъ мы уже упоминали, онъ не придавалъ особеннаго значенія военнымъ тріумфамъ и политической суетѣ. Не то чтобы онъ не интересовался ими — Гумбольдтъ интересовался всѣмъ, отъ таинственныхъ космическихъ процессовъ въ туманныхъ звѣздахъ до мелкаго скандала въ придворномъ кружкѣ—но онъ не придавалъ такого значенія гибели генерала Мака или вступленію

*

ЭР03200

французовъ въ Берлинъ, какое придаетъ имъ большинство, видящее въ подобныхъ событіяхъ суть исторической жизни. Подъ этой рябью и пѣной историческаго потока онъ видѣлъ незримое теченіе идей, работу мысли, которая создаетъ въ жизни народовъ все.

Но если Гумбольдъ чурался политики, то политика не хотѣла оставить въ покоѣ Гумбольдта. Въ іюлѣ 1808 года ему пришлось оторваться отъ своихъ научныхъ занятій, чтобы сопровождать въ Парижъ принца Вильгельма Прусскаго, который ѣздилъ туда для переговоровъ съ Наполеономъ. Гумбольдтъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ въ высшемъ Парижскомъ обществѣ, знакомый съ вліятельнѣйшими лицами во Франціи, долженъ былъ, такъ сказать, подготовлять почву для принца, что и исполнилъ съ успѣхомъ.

По окончаніи этой оффиціальной задачи онъ просилъ короля позволить ему остаться въ Парижѣ и получилъ разрѣшеніе. Послѣ этого онъ прожилъ во Франціи почти 20 лѣтъ (1809—1827), уѣзжая изъ нея лишь изрѣдка и ненадолго.

Парижъ въ то время блисталъ такимъ созвѣздіемъ великихъ ученыхъ, какимъ не могъ похвалиться ни одинъ городъ въ Европѣ. Тутъ дѣйствовали Кювье, въ салонѣ котораго Гумбольдтъ былъ постояннымъ гостемъ, Лапласъ, Гэй-Люссакъ, Араго, съ которымъ Гумбольдтъ сошелся на *ты*, Біо, Броньяръ и др. Сюда стремились и молодые ученые изъ другихъ странъ, чтобы получить патентъ учености въ столицѣ міра. Все это кипѣло жизнью и дѣятельностью, все мечтало и грезило объ открытіяхъ, и Гумбольдтъ чувствовалъ себя въ этой компаніи, какъ рыба въ водѣ. Съ Гэй-Люссакомъ онъ работалъ надъ химическимъ составомъ воздуха, съ Біо—надъ земнымъ магнетизмомъ, съ Провансалемъ—надъ дыханіемъ рыбъ... Простота и свобода отношеній—отголосокъ великой революціи—общительность, отсут-

ЭР03200

ствіе мелкой зависти были ему по душѣ. «Даровитые люди, писалъ онъ Берггаузу, быстро находятъ оцѣнку въ столицѣ міра, тогда какъ въ туманной атмосферѣ Берлина, гдѣ всѣ и каждый выкроены по извѣстному шаблону, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи».

Пребываніе въ «столицѣ міра» было посвящено почти исключительно работѣ. Гумбольдтъ вставалъ около 7 часовъ утра, въ 8 отправлялся къ своему другу Ф. Араго или въ институтъ, гдѣ работалъ до 11—12 часовъ, затѣмъ завтракалъ на скорую руку и снова принимался за работу; около 7 ч. обѣдалъ, послѣ обѣда посѣщалъ друзей и салоны; около полуночи возвращался домой и опять работалъ до 2—2½ часовъ ночи. Такимъ образомъ для сна оставалось 4—5 часовъ въ сутки. «Періодическій сонъ считается устарѣлымъ предразсудкомъ въ семьѣ Гумбольдтовъ», говаривалъ онъ шутя. Такой дѣятельный образъ жизни онъ велъ до самой смерти и, что всего удивительнѣе, оставался всегда здоровымъ и сильнымъ физически и умственно.

Многочисленныя и разнообразныя научныя работы не мѣшали ему интересоваться политикой, придворными новостями и даже, по-просту говоря, сплетнями и пустячками, извѣстными подъ названіемъ «новостей дня». Въ салонахъ онъ блисталъ не только ученостью, краснорѣчіемъ и остроуміемъ, но и знаніемъ всякихъ анекдотовъ и мелочей, занимающихъ общество. Приведемъ здѣсь выдержку изъ письма Риттера отъ 17 сентября 1724 года о вечерѣ у Араго на другой день послѣ смерти Людовика XVIII. «Около 11 часовъ явился наконецъ и Александръ Гумбольдтъ, и всѣ обрадовались его разсказамъ и новостямъ. Никто не знаетъ столько, сколько онъ: онъ все видѣлъ, онъ уже съ 8 часовъ утра на ногахъ, тотчасъ получилъ извѣстіе о смерти короля, говорилъ со всѣми врачами, присутствовалъ при выставкѣ трупа, видѣлъ все, что происходило во дворцѣ,

ЭР03200

знаетъ все, что произошло въ министерскихъ кружкахъ, въ семействѣ короля; побывалъ въ С. Жерменѣ, въ Пасси, у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и является теперь съ полными карманами интереснѣйшихъ анекдотовъ, которые разсказываются со свойственными ему остроуміемъ и насмѣшливостью».

Огромное значеніе, которымъ пользовался Гумбольдтъ въ ученомъ кругу Парижа, заставляло стремиться къ нему всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Парижъ ученыхъ. «Кто изъ пріѣхавшихъ въ Парижъ, говоритъ Голтей, и имѣвшихъ черный фракъ, бѣлый галстухъ и пару перчатокъ, — кто не являлся къ Гумбольдту? Но — и это можетъ показаться невѣроятнымъ, хотя это истина — кто изъ оставившихъ свою карточку у этого благороднѣйшаго, либеральнѣйшаго, благодушнѣйшаго изъ всѣхъ великихъ людей, не получалъ дружескаго отвѣтнаго визита? Кто не пользовался предупредительной добротой, совѣтомъ, помощью этого неутомимаго благодѣтеля?»

Дѣйствительно, Гумбольдтъ одинаково щедро расточалъ въ пользу другихъ и свое вліяніе, и свои деньги. Когда Агассицъ, по недостатку средствъ, долженъ былъ прекратить занятія въ Парижѣ, Гумбольдтъ самымъ деликатнымъ образомъ заставилъ его принять денежную помощь; когда Либихъ — еще неизвѣстный, начинающій ученый — прочелъ въ Парижѣ одну изъ своихъ первыхъ работъ, Гумбольдтъ немедленно познакомился съ нимъ и оказалъ ему дѣятельную поддержку, благодаря которой передъ молодымъ химикомъ открылись «всѣ двери, всѣ лабораторіи и институты». — «Неизвѣстный, безъ рекомендацій — говоритъ по поводу этого Либихъ — въ городѣ, гдѣ притокъ людей изъ всѣхъ странъ свѣта составляетъ громадное препятствіе къ личному сближенію съ знаменитыми тамошними естествоиспытателями — и я, какъ многіе другіе, остался бы незамѣченнымъ въ толпѣ,

ЭР03200

и можетъ быть погибъ бы; эта опасность была теперь устранена для меня».

И масса другихъ ученыхъ, путешественниковъ, литераторовъ и пр. находили у него поддержку и, въ случаѣ надобности, матеріальную помощь или протекцію.

Быть можетъ, онъ даже грѣшилъ избыткомъ снисходительности въ этомъ отношеніи. Быть можетъ, стремленіе къ популярности играло при этомъ нѣкоторую роль: такъ по крайней мѣрѣ говорили охотники выискивать пятна на солнцѣ. Но если это и такъ, если избытокъ снисходительности заставлялъ его иной разъ оказать поддержку недостойному, то весь вредъ, который могъ произойти отъ этого, съ лихвою выкупается пользою, которую принесла помощь, оказанная одному Либиху или Агассицу.

Еще въ Америкѣ Гумбольдтъ уже мечталъ о путешествіи въ Азію и теперь дѣятельно готовился къ нему, изучая между прочимъ персидскій языкъ у знаменитаго оріенталиста Сильвестра де-Соси. Научныя занятія и подготовка къ путешествію заставляли его отказываться отъ оффиціальныхъ предложеній, съ которыми къ нему обращались иногда изъ Пруссіи. Такъ, въ 1810 году, канцлеръ Гарденбергъ, давнишній знакомый Гумбольдта, пригласилъ его занять мѣсто начальника секціи народнаго образованія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ Берлинѣ; но Гумбольдтъ отказался.

Въ слѣдующемъ году его мечта о путешествіи едва не осуществилась. Русскій канцлеръ, гр. Румянцевъ, предложилъ ему присоединиться къ посольству, которое императоръ Александръ I отправлялъ въ Кашгаръ и Тибетъ. Гумбольдтъ согласился и строилъ самые широкіе планы насчетъ этой экспедиціи, разсчитывая пробыть въ Азіи лѣтъ 7—8; но политическія обстоятельства помѣшали ея осуществленію. Началась война 12-го года, «нашествіе двунадесяти языкъ», тамъ — пожаръ Москвы,

ЭР03200

отступленіе и гибель великой арміи и т. д. — всѣ эти событія поглотили вниманіе русскаго правительства, и предпріятіе Гумбольдта заглохло.

Пребываніе его въ Парижѣ разнообразилось поѣздками въ Вѣну, Лондонъ и пр.; мы не будемъ перечислять ихъ. Научныя занятія его не прерывались во время этихъ поѣздокъ; напротивъ, онъ пользовался ими для геологическихъ, магнетическихъ и др. наблюденій, что въ связи съ наблюденіями въ Америкѣ давало богатый матеріалъ для сравненія и общихъ выводовъ.

Въ 1816 году онъ разстался со своимъ другомъ Бонпланомъ, который послѣ паденія Наполеона потерялъ мѣсто въ Парижѣ и отправился въ Южную Америку, гдѣ занялъ мѣсто профессора естественной исторіи въ Буэносъ-Айресѣ. Скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ этого оригинальнаго человѣка. Въ 1820 году онъ предпринялъ экскурсію въ Парагвай, для изученія культуры «матэ», парагвайскаго чая. Диктаторъ Парагвая Франціа, управлявшій своей республикой съ полновластіемъ восточнаго деспота, воспретившій своимъ согражданамъ всякія, даже торговыя, сношенія съ иностранцами, велѣлъ арестовать его и продержалъ въ плѣну десять лѣтъ. Всѣ хлопоты Гумбольдта, всѣ просьбы, обращенныя къ Франціа, остались тщетными, не смотря на вмѣшательство французскаго и англійскаго правительствъ. Только въ 1830 году диктаторъ рѣшился освободить своего плѣнника. Послѣ освобожденія, Бонпланъ женился на мѣстной уроженкѣ (которая впрочемъ скоро убѣжала отъ него, оставивъ ему дѣтей) и прожилъ почти тридцать лѣтъ отшельникомъ вдали отъ міра, въ небольшой усадьбѣ, заброшенной среди безлюдныхъ степей, въ цинически-скудной обстановкѣ, занимаясь естественными науками и обогащая свой огромный гербарій, для чего предпринималъ поѣздки въ различныя мѣстно-

ЭР03200

сти Америки. Онъ умеръ въ 1858 году, за годъ до смерти Гумбольдта.

Въ 1818 году Гумбольдтъ былъ въ Ахенѣ, гдѣ въ то время собрался конгрессъ для обсужденія французскихъ дѣлъ и закрѣпленія принциповъ Священнаго союза. Въ дѣлахъ его Гумбольдтъ не принималъ участія; онъ хлопоталъ больше объ азіатскомъ путешествіи. Личное состояніе его было уже истрачено на американскую экспедицію, которая обошлась въ 52.000 талеровъ,— и изданіе ея результатовъ, стоившее 180.000; такъ что теперь онъ могъ путешествовать только на казенный счетъ. Король предложилъ ему 12.000 талеровъ ежегодно въ теченіе 4—5 лѣтъ путешествія и такую-же сумму на покупку инструментовъ. Но и на этотъ разъ путешествіе не состоялось, и Гумбольдтъ вернулся въ Парижъ.

Въ 1822 г. онъ отправился въ Италію; встрѣтившись въ Веронѣ съ королемъ, сопровождалъ его въ поѣздкѣ по Италіи—причемъ еще разъ посѣтилъ Везувій и изслѣдовалъ измѣненія, происшедшія въ немъ между изверженіями 1805 и 1822 года. Изъ Италіи онъ вмѣстѣ съ королемъ отправился въ Берлинъ, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, но несмотря на просьбы брата остаться на родинѣ, предпочелъ вернуться въ Парижъ. Берлинъ и «берлинизмъ», какъ онъ выражался, внушали ему отвращеніе. Письма его переполнены насмѣшками надъ нѣмецкимъ обществомъ, которое «ненавидитъ все, что мѣшаетъ спать», «становится тѣмъ односторонѣе, чѣмъ шире развиваются воззрѣнія въ другихъ странахъ», и т. д.

Однако то, чего не могли добиться просьбы брата и друзей, было достигнуто благодаря желанію короля. Фридрихъ Вильгельмъ III былъ лично расположенъ къ Гумбольдту, любилъ его бесѣду и дорожилъ его обще-

ЭР03200

ствомъ. Въ 1826 году онъ пригласилъ своего ученаго друга переселиться въ Берлинъ. Отвѣчать отказомъ на такое приглашеніе значило бы оскорбить короля, а это вовсе не входило въ разсчеты Гумбольдта. «Онъ былъ уже осыпанъ королевскими милостями: получилъ званіе камергера, различные знаки отличія, пенсію въ 5.000 талеровъ. Вліяніе, которымъ онъ пользовался, давало ему возможность оказывать поддержку другимъ ученымъ—тому выхлопотать пенсію, другому субсидію на какое-нибудь ученое предпріятіе или дорогое изданіе и т. п.... Вообще, «житейская мудрость» не позволяла вступать въ рѣзкія отношенія съ правительствомъ и, подчиняясь ея указаніямъ, Гумбольдтъ, скрѣпя сердце, оставилъ столицу міра и переселился въ «туманный Берлинъ».

ДВГНБ

ЭР03200

V.

Открытія Гумбольдта.

Основная идея Гумбольдта. — Химическій составъ воздуха. — Температура воздуха; изотермы; Гумбольдтъ—основатель сравнительной климатологіи.—Другія работы Гумбольдта по вопросамъ метеорологіи. — Ботаника; Гумбольдтъ, основатель ботанической географіи. — Зоологическія работы. — Строеніе глотки у птицъ, обезьянъ и крокодиловъ, электрическаго органа у рыбъ; дыханіе рыбъ и крокодиловъ.—Геологія; значеніе Гумбольдта, какъ одного изъ главныхъ двигателей плутонической теоріи.—Земной магнетизмъ; открытія Гумбольдта и ихъ значеніе.—Географія и орографія; профили.—Человѣкъ.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о жизни Гумбольдта по возвращеніи изъ Америки; скажемъ теперь нѣсколько словъ о его научной дѣятельности.

Работы Гумбольдта представляютъ такую энциклопедію естествознанія, что самое сжатое *изложеніе* ихъ потребовало бы порядочной книги. Мы ограничимся поэтому только краткимъ *перечнемъ* его важнѣйшихъ открытій.

Всѣ они связаны въ одно цѣлое идеей физическаго мірописанія. Она опредѣляетъ отношеніе Гумбольдта къ изслѣдуемому предмету. Такъ напр. онъ изучалъ составъ атмосферы съ Гэй-Люссакомъ. Гэй-Люссака вопросы о газахъ интересовали съ чисто химической и физической стороны и привели къ открытію законовъ объемныхъ отношеній. Гумбольдтъ видитъ въ атмосферѣ оболочку земного шара, составъ которой имѣетъ огромное значеніе

ЭР03200

для всего органическаго міра,—и съ этой точки зрѣнія занимается ея изслѣдованіемъ.

О работахъ перваго періода его дѣятельности мы уже упоминали; здѣсь будемъ говорить только объ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ эпоху отъ американскаго до азіатскаго путешествія. Этотъ періодъ его дѣятельности можно назвать *періодомъ открытій* по преимуществу; послѣдующіе годы жизни были посвящены уже главнымъ образомъ продолженію и развитію сдѣланныхъ раньше изслѣдованій и сведенію ихъ въ одно цѣлое въ «Космосѣ».

Перечисляя открытія Гумбольдта, начнемъ съ *атмосферы*, перейдемъ къ *растительному* и *животному* міру, далѣе къ *строенію земной коры*, къ *физикѣ земного шара*, *орографіи* и *географіи* и наконецъ—*человѣку*.

Изслѣдованія *химическаго состава воздуха*, начатыя Гумбольдтомъ еще во время его службы обербергмейстеромъ и продолжавшіяся впослѣдствіи вмѣстѣ съ Гэй-Люссакомъ, привели къ слѣдующимъ результатамъ: 1) составъ атмосферы вообще остается постояннымъ; 2) количество кислорода $=21\%$; 3) воздухъ не содержитъ замѣтной примѣси водорода.—Это было первое точное изслѣдованіе атмосферы, и позднѣйшія работы Реньо, Буссенго и др. подтвердили въ существенныхъ чертахъ данныя Гумбольдта и Гей-Люссака.

Температура воздуха вызвала цѣлый рядъ изслѣдованій Гумбольдта *).

Распредѣленіе тепла на земной поверхности представляетъ крайне запутанное явленіе. Различное удале-

*) «Линіи изотермъ», 1817.—«О нижнихъ границахъ вѣчнаго снѣга», 1820.—«О климатѣ Иберійскаго плоскогорія», 1825.—«О температурѣ различныхъ частей жаркаго пояса», 1826.—«О причинахъ различія температуры на земномъ шарѣ», 1827.

ЭР03200

ніе земли отъ солнца въ разныя времена года, вращеніе земли, наклоненіе ея оси къ эклиптикѣ, воздушныя теченія, испареніе воды и пр., и пр.—всѣ эти условія вліяютъ на температуру мѣстности и, переплетаясь и сталкиваясь различнымъ образомъ, производятъ такой хаосъ въ распредѣленіи тепла, что разобраться въ немъ съ перваго взгляда кажется просто невозможнымъ.

Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ открывать причины различія температуры, нужно знать самые факты, т. е. *имѣть картину распредѣленія тепла на земномъ шарѣ* и *методъ* для дальнѣйшей разработки этой картины. Эту двойную задачу исполнилъ Гумбольдтъ, установивъ такъ называемыя *изотермы* — линіи, связывающія мѣста съ одинаковой средней температурой втеченіе извѣстнаго періода времени; напр. съ одинаковой годовой, лѣтней (изотеры), зимней (изохимены) и проч. температурой.

Работа объ изотермахъ послужила основаніемъ *сравнительной климатологіи*, и Гумбольдтъ можетъ считаться творцомъ этой сложнѣйшей и труднѣйшей отрасли естествознанія.

Ученый міръ встрѣтилъ работу Гумбольдта съ величайшимъ сочувствіемъ; всюду принялись собирать данныя для пополненія и исправленія изотермъ. Въ первой его монографіи объ этомъ предметѣ (1817 г.) мы находимъ только 57 мѣстъ съ опредѣленной средней температурой (годовой, по временамъ года, по самымъ жаркимъ и самымъ холоднымъ мѣсяцамъ); въ «Центральной Азіи» (1841 г.) число ихъ достигаетъ уже 311; въ «Мелкихъ сочиненіяхъ» (1853) — 506. Эти числа могутъ служить до извѣстной степени мѣркой успѣховъ климатологіи, устремившейся по проложенному Гумбольдтомъ пути.

Кромѣ работы объ изотермахъ Гумбольдту принадлежитъ рядъ капитальныхъ изслѣдованій о климатѣ юж-

ЭР03200

наго полушарія, о пониженіи температуры въ верхнихъ слояхъ воздуха и причинахъ этого пониженія, о вліяніи моря на температуру нижнихъ слоевъ воздуха, о границахъ вѣчнаго снѣга въ различныхъ странахъ и др., излагать содержаніе которыхъ мы не будемъ. Всѣ онѣ важны не столько детальной разработкой предмета — что было невозможно при недостаткѣ данныхъ— сколько мыслью, общими взглядами, лежащими въ основѣ его изслѣдованій и послужившими руководящей нитью для дальнѣйшей разработки затронутыхъ имъ вопросовъ.

О взглядахъ его на причины различія климатовъ мы упомянемъ позднѣе въ связи съ его послѣдующими работами объ этомъ предметѣ.

Влажность и *давленіе* воздуха также много занимали его *). Онъ показалъ, что въ тропическихъ странахъ воздухъ въ ясные дни содержитъ почти вдвое болѣе воды, чѣмъ въ Европѣ, опредѣлилъ верхнюю и нижнюю границу пояса облаковъ подъ тропиками, далъ точныя свѣдѣнія о суточномъ колебаніи барометра въ тѣхъ-же странахъ, описалъ смѣну сухого и дождливаго времени въ тропическомъ поясѣ и выяснилъ ея причины, и проч.

Къ области метеорологіи относятся и работы Гумбольдта надъ температурой почвы, преломленіемъ свѣта въ атмосферѣ и другія болѣе частныя и мелкія изслѣдованія, которыхъ мы не будемъ перечислять.

Распредѣленіе растеній на земномъ шарѣ находится въ такой строгой зависимости отъ распредѣленія тепла и другихъ климатическихъ условій, что только имѣя картину климатовъ, можно подумать объ установленіи растительныхъ областей. До Гумбольдта ботанической географіи, какъ науки, не существовало. Было только

*) «Вліяніе солнечнаго склоненія на начало экваторіальныхъ дождей», 1818.—«Законы часовыхъ колебаній барометра», 1828.—Другія работы объ этихъ предметахъ разбросаны въ разныхъ отдѣлахъ американскаго путешествія.

ЭР03200

имя ея и отрывочныя указанія въ сочиненіяхъ Линка, Штромейера и др. Работы Гумбольдта *) создали эту науку, дали содержаніе существовавшему уже термину.

Въ основу ботанической географіи Гумбольдтъ положилъ климатическій принципъ; указалъ аналогію между постепеннымъ измѣненіемъ растительности отъ экватора къ полюсу и отъ подошвы горъ къ вершинѣ; охарактеризовалъ растительные пояса, чередующіеся по мѣрѣ подъема на вершину горы или при переходѣ отъ экватора въ сѣверныя широты; далъ первую попытку раздѣленія земного шара на ботаническія области; указалъ относительныя измѣненія въ составѣ флоръ, въ преобладаніи тѣхъ или другихъ растеній паралельно климатическимъ условіямъ.

Съ тѣхъ поръ ботаническая географія сдѣлала огромные успѣхи. Собраны безчисленные матеріалы изъ самыхъ отдаленныхъ частей свѣта, появилась масса детальныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, наконецъ общіе труды Скау, Декандоля, Гризебаха, Энглера и др. превратили набросокъ Гумбольдта въ обширнѣйшую науку. Тѣмъ не менѣе, принципъ, установленный Гумбольдтомъ, остается руководящимъ принципомъ этой науки, и хотя сочиненія, его устарѣли—за нимъ навсегда останется слава *основателя ботанической географіи.*

Извѣстныя условія климата, почвы и пр. кладутъ извѣстный отпечатокъ на растительность. Растенія пустыни будутъ имѣть нѣчто общее въ своей физіономіи: въ ростѣ, формѣ листьевъ и стебля, опушеніи и пр.; растенія лѣсной области опять-таки имѣютъ свою физіономію и т. д., такъ что ботаникъ, пересмотрѣвъ гербарій, можетъ очертить общій характеръ мѣстности, изъ которой взяты растенія, прежде чѣмъ опредѣлить ихъ. Та-

*) «Опытъ о географіи растеній» 1808—10. — «Идеи о физіономикѣ растеній» 1806.—«О законахъ распредѣленія растеній» 1816 и 1821.—«О географическомъ распредѣленіи растеній» 1815.

ЭР03200

кимъ образомъ независимо отъ научной классификаціи можно раздѣлить растительность на извѣстныя *физіономическія* группы. Этой задачѣ Гумбольдтъ посвятилъ «Идеи о физіономикѣ растеній», удовлетворяя такимъ образомъ своей художественной потребности не только описывать, но и рисовать природу.

Мы уже упоминали о массѣ новыхъ видовъ, привезеннымъ Гумбольдтомъ и Бонпланомъ изъ Америки. Замѣтимъ мимоходомъ, что многія изъ растеній, украшающихъ наши сады и цвѣтники, доставлены Гумбольдтомъ такъ, что любитель цвѣтовъ, наслаждаясь видомъ и запахомъ своихъ любимцевъ, можетъ съ благодарностью помянуть великаго натуралиста.

Изслѣдованія Гумбольдта въ *зоологіи* не имѣютъ такого значенія, какъ его ботаническія работы. Изъ Америки имъ и Бонпланомъ привезено много новыхъ видовъ; далѣе, Гумбольдтъ сообщилъ не мало свѣдѣній о жизни различныхъ животныхъ, далъ превосходную монографію о кондорѣ, очеркъ вертикальнаго и горизонтальнаго распространенія животныхъ въ тропической Америкѣ и пр.

По *анатоміи* и *физіологіи* животныхъ *) ему принадлежатъ изслѣдованія надъ строеніемъ горла птицъ и обезьянъ — «ревуновъ», объ ужасномъ голосѣ которыхъ упоминаютъ всѣ американскіе путешественники. Онъ изучилъ строеніе глотки у каймановъ, благодаря которому они могутъ широко разѣвать пасть и хватать добычу подъ водою, не рискуя захлебнуться. Вмѣстѣ съ Гэй-Люссакомъ онъ изслѣдовалъ строеніе электрическаго органа у рыбъ, оказавшееся аналогичнымъ съ устройствомъ Вольтова столба; съ Провансалемъ — дыханіе

*) «Сборникъ наблюденій по зоологіи и сравнительной анатоміи» 2 т. 1811 и 1831.—«Опытъ объ электрическихъ рыбахъ» 1808.— «Изслѣдованія надъ дыханіемъ рыбъ», 1809. — «О гимнотахъ и другихъ электрическихъ рыбахъ», 1819.

ЭР03200

рыбъ и крокодиловъ. Конечно, анатомія и физіологія не относились непосредственно къ его задачѣ, и эти работы были, такъ сказать, случайными экскурсіями въ интересную область.

Работы Гумбольдта въ *геологіи* *) имѣли огромное значеніе. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эта науку еще только начинала становиться на твердую почва, благодаря трудамъ Вернера, Вильяма Смита, Кювье и др. Самые элементарные съ современной точки зрѣнія вопросы требовали еще разъясненія. Такъ, представлялось сомнительнымъ, вездѣ ли на земномъ шарѣ замѣчаются тѣ же горныя породы и тотъ-же характеръ напластованія, что и въ Европѣ? Въ «Опытѣ о залеганіи горныхъ породъ въ обоихъ полушаріяхъ» Гумбольдтъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, указывая на то, что строеніе земной коры сходно въ обоихъ полушаріяхъ, что всюду она слагается изъ однѣхъ и тѣхъ-же горныхъ породъ и представляетъ одинаковый порядокъ напластованія.

Явившись въ началѣ своей дѣятельности сторонникомъ Вернера, Гумбольдтъ впослѣдствіи сдѣлался однимъ изъ главныхъ двигателей плутонической теоріи, развитой главнымъ образомъ Леопольдомъ фонъ-Бухомъ. Гумбольдтъ не высказывался за нее вполнѣ рѣзко и опредѣленно, но въ значительной степени разработалъ аппаратъ фактовъ, на которыхъ она построена. Теорія эта признаетъ огненножидкое ядро земного шара, дѣлитъ горныя породы на осадочныя и пропсшедшія путемъ остыванія расплавленной массы, объясняетъ образованіе горъ поднятіями земной коры (ученіе Эли де-Бомона), признаетъ связь вулкановъ съ огненножидкимъ

*) «Геогностическій опытъ о залеганіи горныхъ породъ въ обоихъ полушаріяхъ». 1823. — «Геогностическій очеркъ Южной Америки». — «О строеніи и дѣйствіи вулкановъ». 1822 и 1823. — «Вулканы Іорульо».

ЭР03200

ядромъ и пр. Короче сказать, она объясняетъ многія геологическія явленія «реакціями огненножидкаго ядра на твердую оболочку», по выраженію Гумбольдта.

Послѣдній оказалъ содѣйствіе ея торжеству главнымъ образомъ своими изслѣдованіями о вулканахъ. Онъ указалъ на широкое распространеніе вулканическихъ явленій, на связь отдаленныхъ и разбросанныхъ вулкановъ, которые по его мнѣнію являются различными трубами общаго очага, находящагося внутри земли; на особенности въ географическомъ распредѣленіи вулкановъ, говорящія въ пользу теоріи Буха, и др.; пріурочилъ къ одной общей причинѣ разнообразныя явленія вулкановъ, сопокъ, горячихъ ключей и пр., указывалъ на связь вулкановъ съ землетрясеніями... Вообще, въ этихъ изслѣдованіяхъ съ особеннымъ блескомъ проявилась его способность къ обобщенію.

Ученіе объ огненножидкомъ ядрѣ, о связи съ нимъ вулкановъ и т. п. одно время казалось незыблемымъ догматомъ науки. Мы всѣ учили его въ школахъ. Теперь оно колеблется; теорію поднятій можно считать совершенно оставленной да и «огненножидкое ядро» находитъ все больше и больше противниковъ... Будущее покажетъ, на чьей сторонѣ истина; здѣсь-же конечно не мѣсто входить въ подробности боя, возгорѣвшагося между геологами...

Во всякомъ случаѣ, Гумбольдта мы должны признать однимъ изъ главныхъ столповъ ученія, долгое время господствовавшаго въ наукѣ.

Собственно къ *физикѣ земли* относятся его изслѣдованія надъ земнымъ магнетизмомъ *) однимъ изъ любимыхъ его предметовъ. Въ этой области принадле-

*) Наблюденія надъ напряженіемъ магнитныхъ силъ (съ Гэй-Люссакомъ). 1807. — Объ измѣненіяхъ земного магнетизма въ различныхъ широтахъ (съ Біо). 1804. Историческій отчетъ о путешествіи въ Америку. т. III.

житъ ему нѣсколько важныхъ открытій. Онъ первый фактически доказалъ, что *напряженность земного магнетизма измѣняется въ различныхъ широтахъ*, уменьшаясь отъ полюсовъ къ экватору. Ему-же принадлежитъ открытіе *внезапныхъ возмущеній магнитной стрѣлки* («*магнитныя бури*»), происходящихъ, какъ показали позднѣйшія изслѣдованія, одновременно въ различныхъ точкахъ земного шара подъ вліяніемъ неразгаданныхъ еще причинъ. Далѣе, имъ было открыто *вторичное отклоненіе магнитной стрѣлки* втеченіе сутокъ (стрѣлка не остается неподвижной, а перемѣщается сначала въ одномъ направленіи, потомъ въ противоположномъ: Гумбольдтъ показалъ, что это явленіе повторяется дважды въ теченіе сутокъ).—Онъ-же показалъ, что *магнитный экваторъ* (линія, соединяющая пункты, гдѣ магнитная стрѣлка стоитъ горизонтально) *не совпадаетъ съ астрономическимъ*. Въ работѣ, предпринятой вмѣстѣ съ Біо, онъ пытался опредѣлить магнитный экваторъ, но недостатокъ данныхъ заставилъ авторовъ предположить здѣсь гораздо бо́льшую правильность, чѣмъ существуетъ въ дѣйствительности. Позднѣйшія изслѣдованія показали, что магнитный экваторъ представляетъ весьма неправильную кривую и—соотвѣтственно этому—мѣстности съ одинаковымъ наклоненіемъ и склоненіемъ магнитной стрѣлки распредѣлены далеко не такъ правильно, какъ думалъ Гумбольдтъ. Тѣмъ не менѣе его важныя открытія и масса данныхъ, внесенныхъ имъ въ науку, даютъ право назвать его и въ этой области, если не создателемъ, то однимъ изъ главныхъ двигателей.

Собственно *географическія* открытія Гумбольдта мы уже перечисляли въ главѣ объ американскомъ путешествіи. Введенный имъ способъ изображенія мѣстности въ видѣ *профилей* быстро вошелъ въ общее употребленіе. Такъ, онъ былъ примѣненъ Парротомъ и Энгельгардтомъ

*

ЭР03200

для Кавказа, Валенбергомъ — для швейцарскихъ Альповъ и Карпатъ и т. д. Изслѣдованія его надъ морскими теченіями можно считать началомъ новой отрасли знаній, разросшихся въ обширную науку, благодаря въ особенности работамъ Мори.

Наконецъ—человѣку посвящено было также не мало труда со стороны Гумбольдта Но эти изслѣдованія по самому характеру своему не поддаются краткому изложенію. Всѣ собранныя имъ данныя о древней цивилизаціи ацтековъ и пр., о политическомъ состояніи испанскихъ колоній и др., равно какъ и общіе взгляды на отношеніе между человѣкомъ и природой, разслабляющее дѣйствіе тропической природы на культуру и т. п., находятся въ различныхъ томахъ Американскаго путешествія.

Вотъ краткій перечень важнѣйшихъ работъ великаго натуралиста. Конечно, онъ можетъ дать лишь крайне слабое понятіе о массѣ фактовъ, внесенныхъ имъ въ науку, особенно же о потокѣ мыслей, брошенныхъ имъ въ обращеніе, развитыхъ другими и вошедшихъ въ общее сознаніе; масса эта такъ велика, что мы и сами не можемъ дать себѣ отчета, чѣмъ мы обязаны Гумбольдту.

ЭР03200

VI.

Путешествіе въ Азію и дальнѣйшіе труды.

I. Жизнь въ Берлинѣ. — Отношенія къ королю. — Лекціи Гумбольдта и ихъ значеніе — II. Путешествіе въ Азію. — III. Жизнь въ Парижѣ. — Революція 1830 года. — Популярность Гумбольдта въ Парижскомъ обществѣ. — IV. Научная дѣятельность Гумбольдта послѣ Азіатскаго путешествія.

(1827—1832)

Въ 1827 году Гумбольдтъ окончательно водворился въ Берлинѣ. Здѣсь жилъ онъ въ постоянномъ общеніи съ королемъ, часто бывалъ у него въ Потсдамѣ и сопровождалъ его въ поѣздкахъ по Европѣ. Оффиціальной роли онъ не игралъ, но старался по возможности противодѣйствовать вліянію обскурантовъ.

Въ Пруссіи реакція никогда не достигала такихъ уродливыхъ размѣровъ, какъ во Франціи при Полиньякѣ или въ Австріи подъ вліяніемъ Меттерниха; отношенія Гогенцоллерновъ къ народу носили добродушно-патріархальный характеръ; «нѣмецкая вѣрность» вошла въ пословицу; съ своей стороны и короли не забывали девизъ великаго курфюрста: «Pro Deo et populo» («Для Бога и народа»). Въ эпоху крайней и общей реакціи послѣ изгнанія Наполеона — въ Пруссіи продолжались реформы, начатыя подъ вліяніемъ Штейна, Гарденберга и др. Въ царствованіе Фридриха-Вильгельма III (1797—1840) было уничтожено крѣпостное право (1807 г.), надѣлены землею крестьяне, поселенные на коронныхъ

ЭР03200

земляхъ (1808 г.), введена всеобщая воинская повинность Шарнгорстомъ (1814 г.), обязательное элементарное образованіе Альтенштейномъ (1817—1840 г.)— словомъ, произведенъ рядъ глубокихъ, коренныхъ реформъ. Это объясняетъ намъ, почему либеральный Гумбольдтъ могъ уживаться при реакціонномъ дворѣ. Какъ мы увидимъ ниже, житейская мудрость не заставила его кривить душой и не мѣшала откровенно высказывать свои мнѣнія. Но король цѣнилъ его знанія, умъ, блестящую бесѣду; а онъ цѣнилъ прогрессивную сторону дѣятельности короля и не хотѣлъ становиться въ рѣзкія отношенія къ нему, предпочитая своимъ личнымъ вліяніемъ бороться съ вліяніемъ людей, готовыхъ заподозрить въ излишнемъ либерализмѣ самого монарха.

Направленіе эпохи давало себя знать и въ Пруссіи. Броженіе въ обществѣ, выразившееся различными демонстраціями, и особенно убійство Коцебу Зандомъ (1819 г.) только усилили реакцію. Люди вродѣ В. Гумбольдта, Гарденберга и др. должны были устраниться отъ дѣлъ; на поверхность политической жизни выплыли Камцы, Штольцы и т. п.; — не связавшіе своихъ именъ съ великими дѣлами, чтобы сохраниться въ памяти потомства, но достаточно усердные въ мелочной реакціи и преслѣдованіяхъ, чтобы сильно надоѣсть современникамъ. Вся эта компанія ненавидѣла Гумбольдта, называя его «придворнымъ революціонеромъ» и т. п.

Въ первый же годъ своей жизни въ Берлинѣ онъ прочелъ рядъ публичныхъ лекцій «о физическомъ мірописаніи» — первый набросокъ «Космоса». Лекціи привлекли массу слушателей. Не только берлинскіе жители стекались на нихъ толпами, но и изъ другихъ городовъ Европы пріѣзжали любопытные послушать Гумбольдта. Начавши чтеніе въ одной изъ университетскихъ залъ, онъ долженъ былъ перейти въ болѣе обширную залу пѣвческой академіи. Врядъ-ли какому-нибудь учe-

ЭР03200

ному приходилось выступать передъ такой блестящей и разнообразной публикой. Король и его семейство, важнѣйшіе сановники, придворныя дамы, профессора и литераторы присутствовали тутъ вмѣстѣ съ безчисленной публикой изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества.

Въ наше время ученые стремятся къ сближенію съ публикой, популярная литература достигаетъ огромныхъ размѣровъ, публичныя лекціи стали заурядымъ явленіемъ, и фигура ученаго, говорящаго только по латыни и оберегающаго сокровище своихъ знаній отъ посягательствъ невѣжественной черни — давно отошла въ вѣчность. Но въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія наука только еще начинала спускаться съ своихъ высотъ въ сферу обыденной жизни. Какъ и во всемъ, что касается духовной жизни Европы,— начало было положено Франціей, и естественно, что Гумбольдтъ—полу-французъ по характеру и воззрѣніямъ—явился иниціаторомъ этого дѣла въ Германіи.

Камергеръ, другъ и пріятель короля, свѣтило науки—является передъ разношерстной публикой, стараясь изложить удобопонятнымъ для нея языкомъ результаты своей многолѣтней работы. Ученый профессоръ и грамоный работникъ, король и бѣдный студентъ собираюття въ одной залѣ поучаться мудрости. Это было событіемсъ— и можно сказать, что лекціи Гумбольдта знаменуютъ собою начало новаго направленія въ духовной жизни Европы — направленія, характерпзующаго собственно наше столѣтіе и состоящаго въ сближеніи науки съ жизнью, въ стремленіи сдѣлать сокровище знаній, накопленное вѣками, достояніемъ всѣхъ и каждаго.

Конечно, попытки къ этому были и раньше. Но лекціи Гумбольдта проложили широкую дорогу новому направленію, разомъ сорвали и уничтожили плотину, сквозь которую до него едва просачивались отдѣльныя струйки новаго направленія. Лекціи Гумбольдта были въ тоже время первымъ очеркомъ новой науки, вѣрнѣе сказать,

ЭР03200

сводомъ цѣлаго ряда наукъ, изъ коихъ нѣкоторыя были имъ самимъ созданы. 16 лекцій посвящены небеснымъ пространствамъ, 5—физикѣ земли, 6—геогнозіи, 2—орографіи, 1—морю, 10—атмосферѣ и распредѣленію тепла, 7—географіи растеній и животныхъ и 3—человѣку.

Чтенія начались 3 ноября 1827 и кончились 26 апрѣля 1828 года. По окончаніи лекцій особо назначенный комитетъ поднесъ Гумбольдту медаль съ изображеніемъ солнца и надписью: «Illustrans totum radiis splendentibus orbem» (Озаряющій весь міръ яркими лучами).

Разумѣется, не обошлось и безъ нападокъ на Гумбольдта Въ концѣ концовъ лекціи его были однимъ изъ проявленій демократическаго духа нашего столѣтія; это очень хорошо понимали обскуранты. Посыпались обвиненія въ якобинствѣ, противорѣчіи съ Св. Писаніемъ и т. п.

Повсюду въ Германіи выражалось желаніе видѣть лекціи напечатанными, и Гумбольдтъ рѣшился обработать ихъ въ видѣ книги. Работа однако была отложена, такъ какъ въ это самое время онъ получилъ отъ русскаго правительства приглашеніе предпринять путешествіе въ Азію. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, обратился къ Гумбольдту за совѣтомъ относительно платиновой монеты, которую русское правительство намѣревалось пустить въ оборотъ. Гумбольдтъ въ своемъ отвѣтѣ перечислилъ неудобства, представляемые платиною для этой цѣли, и заявилъ, что по его мнѣнію она не годится для монеты. Въ замѣнъ того онъ совѣтовалъ чеканить изъ нея ордена для пожалованія вмѣсто табакерокъ, перстней и т. п.; такимъ образомъ и избытокъ платины пойдетъ въ дѣло, и расходы на золото и серебро уменьшатся. Этотъ чисто нѣмецкій совѣтъ не былъ однако принятъ, и платиновая монета пущена въ оборотъ, но практика вскорѣ доказала правоту Гумбольдта.

ЭР03200

Въ отвѣтѣ Канкрину онъ упомянулъ между прочимъ о своемъ намѣреніи посѣтить Уралъ и Алтай. Не прошло и мѣсяца послѣ отправки письма, какъ онъ получилъ черезъ Канкрина предложеніе отъ императора Николая предпринять путешествіе на Востокъ «въ интересѣ науки и страны». Такое предложеніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало желаніямъ Гумбольдта и онъ, разумѣется, принялъ его, попросивъ только отсрочки на годъ для приведенія къ концу нѣкоторыхъ начатыхъ работъ и подготовки къ путешествію.

Не задолго до отъѣзда, въ концѣ 1828 года, онъ участвовалъ въ качествѣ президента на 7-омъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей. Собраніе открылось рѣчью Гумбольдта, а вечеромъ онъ угощалъ болѣе 600 друзей въ театральной залѣ. Варнгагенъ разсказываетъ объ этомъ: «Гумбольдтъ угощалъ чаемъ, полгорода было приглашено; король присутствовалъ въ своей ложѣ; кронпринцъ и другіе члены царствующаго дома явились въ залу и разговаривали съ гостями. Праздникъ вполнѣ удался. Большой транспарантъ горѣлъ именами нѣмецкихъ естествоиспытателей—только умершихъ. Угощеніе было роскошное. Музыка и пѣніе часто прерывали оживленную бесѣду».

Въ началѣ слѣдующаго года умерла жена Вильгельма Гумбольдта, и Александръ находился при братѣ, который былъ страшно огорченъ этой потерей.

Вскорѣ затѣмъ состоялось второе путешествіе Гумбольдта. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ званіе тайнаго совѣтника съ титуломъ «Excellenz» (Превосходительство).

Какъ уже упомянуто, путешествіе совершалось на счетъ русскаго правительства. Все свое состояніе Гумбольдтъ истратилъ на научныя предпріятія; пенсія въ 5000 талеровъ тоже расходовалась цѣликомъ—частью на себя, но еще больше на поддержку начинающихъ ученыхъ, студентовъ и просто нуждающихся людей.

ЭР03200

Щедрость и любезность нашего правительства не оставляли желать ничего лучшаго. Еще въ Берлинѣ Гумбольдтъ получилъ вексель на 1200 червонцевъ, а въ Петербургѣ — 20,000 рублей. Всюду были заранѣе подготовлены экипажи, квартиры, лошади; въ проводники Гумбольдту назначенъ чиновникъ горнаго департамента Меншенинъ, владѣвшій нѣмецкимъ и французскимъ языками; въ опаснымъ мѣстахъ на азіатской границѣ путешественниковъ долженъ былъ сопровождать конвой; мѣстныя власти заранѣе увѣдомлялись о прибытіи путешественниковъ, и т. д. Словомъ, это путешествіе походило на поѣздку какой-нибудь владѣтельной особы и вовсе не напоминало того времени, когда Гумбольдтъ и Бонпланъ плыли по Ориноко въ индѣйскомъ челнѣ или босые и промокшіе до нитки пѣшкомъ перебирались черезъ Анды.

Гумбольдта сопровождали Г. Розе и Эренбергъ. Первый велъ дневникъ путешествія и занимался минералогическими изслѣдованіями; второй собиралъ ботаническія и зоологическія коллекціи; самъ Гумбольдтъ взялъ на себя наблюденія надъ магнетизмомъ, астроном. опредѣленіе мѣстъ и общее геологическое и географ. изслѣдованіе.

Никакихъ стѣснительныхъ условій на него не возлагалось. Русское правительство заявило, что выборъ направленія и цѣли путешествія предоставляется вполнѣ на усмотрѣніе Гумбольдта, и что правительство желаетъ только «оказать содѣйствіе наукѣ и насколько возможно промышленности Россіи».

12 апрѣля 1829 года Гумбольдтъ оставилъ Берлинъ и 1 мая прибылъ въ Петербургъ. Отсюда путешественники отправились черезъ Москву и Владиміръ въ Нижній Новгородъ. В юду, начиная съ Петербурга, ихъ принимали самымъ торжественнымъ образомъ. «Постоянныя привѣтствія, заботливость и предупредительность со стороны полиціи, чиновниковъ, казаковъ, почетной

ЭР03200

стражи! Къ сожалѣнію, почти ни на минуту не остаешься одинъ: нельзя сдѣлать шагу, чтобы не подхватили подъ руки, какъ больнаго».

Изъ Нижняго отправились по Волгѣ въ Казань, оттуда въ Пермь и Екатеринбургъ. Здѣсь собственно начиналось настоящее путешествіе. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль путешественники разъѣзжали по Нижнему и Среднему Уралу, изслѣдовали его геологію, посѣтили главнѣйшіе заводы—Невьянскъ, Верхотурье, Богословскъ и др.—осмотрѣли разработки желѣза, золота, платины, малахита и пр. Гумбольдтъ не могъ не обратить вниманія на жалкое положеніе крѣпостныхъ и невозможное состояніе промышленности, но говорить объ этомъ было неудобно, и онъ обѣщалъ Канкрину—съ которымъ переписывался вполнѣ откровенно — не выносить сора изъ избы...

Осмотрѣвши Уральскіе заводы, путешественники отправились въ Тобольскъ, а оттуда черезъ Барнаулъ, Семипалатинскъ и Омскъ, въ Міясскъ. Путь лежалъ черезъ Барабинскую степь, гдѣ въ то время свирѣпствовала сибирская язва. Миріады комаровъ и мошекъ терзали путешественниковъ не хуже американскихъ москитовъ. Зато удалось собрать богатѣйшія зоологическія и ботаническія коллекціи къ великой радости Эренберга, который приходилъ въ отчаяніе, встрѣчая отъ Берлина до Урала все тѣ-же растенія.

Привѣтствія и торжественныя встрѣчи не оставляли ихъ и на этихъ далекихъ окраинахъ Можно себѣ представить, какой переполохъ вызывало появленіе Гумбольдта среди захолустнаго начальства, какія легенды создавались на его счетъ среди мѣстнаго населенія!.. Въ Омскѣ его привѣтствовали на трехъ языкахъ: русскомъ, татарскомъ и монгольскомъ. Въ Міясскѣ, гдѣ Гумбольдтъ отпраздновалъ 60 годъ своего рожденія, чиновники поднесли ему дамасскую саблю -- подходящее

ЭР03200

украшеніе для ученаго! На Оренбургской военной линіи коменданты маленькихъ крѣпостей встрѣчали его въ полной формѣ, со всѣми военными почестями и рапортами о состояніи подвѣдомственныхъ имъ войскъ. Толпы народа сбѣгались посмотрѣть на загадочнаго путешественника, ѣдущаго съ такой помпой.

Изъ Міясска Гумбольдтъ предпринялъ нѣсколько экскурсій въ Златоустъ, Кичимскъ и другія мѣстности; затѣмъ отправился въ Орскъ, а оттуда въ Оренбургъ. Здѣсь случилось довольно забавное происшествіе. Гумбольдтъ написалъ оренбургскому губернатору, генералу Эссену, письмо, въ которомъ просилъ его позаботиться о собираніи мѣстныхъ животныхъ. Почеркъ Гумбольдта былъ крайне не разборчивъ, Эссенъ не могъ прочесть письмо; оно долго ходило по рукамъ; наконецъ какому то чиновнику удалось разобрать мудреную грамоту. Узнавъ о ея содержаніи, Эссенъ не на шутку обидѣлся. «Не понимаю, какъ прусскій король могъ дать такой важный чинъ человѣку, который занимается подобными пустяками», замѣтилъ онъ и уѣхалъ изъ Оренбурга, можетъ быть принявъ просьбу Гумбольдта за насмѣшку.

Осмотрѣвъ илецкія соляныя залежи, путешественники отправились въ Астрахань: Гумбольдтъ «не хотѣлъ умирать, не повидавъ Каспійскаго моря». Въ Астрахани, какъ водится, торжественный пріемъ: депутація отъ русскаго купечества съ хлѣбомъ и солью и цѣлая коллекція инородцевъ, живой этнографическій атласъ: персы, армяне, узбеки, татары, туркмены, калмыки — тоже въ качествѣ депутатовъ.

Изъ Астрахани путешественники совершили небольшую поѣздку по Каспійскому морю; затѣмъ отправились обратно въ Петербургъ, куда прибыли 13 ноября 1829 г.

Такимъ образомъ, путешествіе продолжалось очень короткое время. Втеченіе около 8 мѣсяцевъ было сдѣлано 18,000 верстъ; въ томъ числѣ 790 водою—по

ЭР03200

рѣкамъ и Каспійскому морю; 53 раза переправлялись черезъ рѣки; 658 почтовыхъ станцій должны были употребить въ дѣло 12,244 лошади. Можно сказать, что Гумбольдтъ не объѣхалъ, а облетѣлъ Азію. При такомъ полетѣ, разумѣется, многое, достойное вниманія, было упущено изъ вида. Такъ, Гумбольдтъ обратилъ вниманіе на замѣчательныя геологическія отложенія Пермской губерніи, но не успѣлъ изслѣдовать ихъ. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Мурчисону, предпринимавшему путешествіе на Востокъ, Гумбольдтъ совѣтуетъ обратить вниманіе на эти отложенія. Мурчисонъ выдѣлилъ ихъ въ особую систему, которой далъ названіе «Пермской».

Тѣмъ не менѣе, благодаря удобствамъ, которыми пользовались путешественники, и ихъ научному рвенію, —эта экспедиція дала богатые результаты.

* * *

Обработка матеріаловъ, собранныхъ во время азіатскаго путешествія, требовала личныхъ сношеній Гумбольдта съ его парижскими друзьями. Политическія обстоятельства также привлекали его въ столицу міра. Тишина и порядокъ, установившіеся въ Европѣ послѣ реставраціи Бурбоновъ, были внезапно нарушены французской революціей 1830 года и польскимъ возстаніемъ. Послѣднее въ особенности затруднило отношеніе Пруссіи къ новому французскому правительству, и Гумбольдтъ, которому уже не разъ приходилось играть роль посредника въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, былъ посланъ въ Парижъ привѣтствовать династію Орлеановъ и подмазать скрипѣвшее колесо дипломатическихъ отношеній.

Въ Парижѣ онъ жилъ съ 1830 по 32 годъ, постоянно бывая при дворѣ и посылая въ Берлинъ отчеты о состояніи политическихъ дѣлъ. Личное отношеніе его къ новому французскому правительству было отношеніе скептика, умудреннаго многолѣтнимъ опытомъ жизни. «Повѣрьте, другъ мой—говорилъ онъ пр. Гансу, воз-

ЭР03200

лагавшему большія надежды на Орлеановъ — мои желанія совпадаютъ съ вашими, но мои надежды слабы. Вотъ уже сорокъ лѣтъ я вижу смѣну правителей въ Парижѣ; одни падаютъ вслѣдствіе собственной неспособности, другіе являются съ новыми обѣщаніями, но не исполняютъ ихъ, и повторяется прежняя исторія. Съ большинствомъ этихъ героевъ дня я былъ знакомъ, съ иными близокъ: все это отличные, благомыслящіе люди, пока не получатъ власти; но никто изъ нихъ не выдерживалъ, всѣ оказывались не лучше своихъ предшественниковъ, а часто и еще большими плутами. Ни одно французское правительство не исполнило своихъ обѣщаній народу, ни одно не пожертвовало своимъ себялюбіемъ общему благу. Нація всегда оставалась обманутой и теперь будетъ тоже. А ложь и обманъ будутъ снова наказаны».

Событія 1848 года, какъ извѣстно, подтвердили это предсказаніе.

Жизнь Гумбольдта въ это время была также дѣятельна, какъ и раньше. Популярность его въ Парижѣ достигла апогея. «Съ Араго онъ на *ты*, разсказываетъ К. Фогтъ, съ Броньяромъ — на интимной ногѣ, съ Біо, Гэй-Люссакомъ, Шеврейлемъ его связываетъ многолѣтняя дружба. Вслѣдствіе этого... выборы въ Академію происходятъ не въ Парижѣ, а въ Берлинѣ; кандидаты обращаются сначала къ Гумбольдту и если онъ особенно расположенъ къ кому-либо изъ нихъ, то самъ отправляется въ Парижъ хлопотать за своего любимца. А такъ какъ всякій французъ, начиная заниматься наукой, ставитъ своей цѣлью академическое кресло и пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы добиться его, то расположеніе Гумбольдта всякому дорого и желанно».

Несмотря на преклонный возрастъ, научная дѣятельность Гумбольдта не ослабѣвала. Скажемъ нѣсколько словъ о работахъ его, сдѣланныхъ послѣ азіатскаго путешествія.

* *
*

ЭР03200

Показавъ въ работѣ объ изотермахъ *фактическое* распредѣленіе тепла на земномъ шарѣ, Гумбольдтъ обратился къ изслѣдованію *причинъ*, отъ которыхъ оно зависитъ. Онъ уяснилъ понятія о приморскомъ и континентальномъ климатахъ, показалъ причины, смягчающія климатъ въ сѣверномъ полушаріи и, приложивъ свои выводы къ Европѣ и Азіи, далъ картину ихъ климатовъ, опредѣлилъ ихъ различіе и причины, отъ которыхъ оно зависитъ.

Мы не будетъ останавливаться на подробномъ развитіи его взглядовъ, на массѣ числовыхъ данныхъ и пр.; равнымъ образомъ ограничимся только указаніемъ на его труды о причинахъ повышенія и пониженія снѣговой линіи, о вліяніи почвы, высотъ, воды и пр. на температуру воздуха и т. д. Все это представляетъ такую массу фактовъ и общихъ взглядовъ, что рѣшительно не поддается сжатому изложенію. Можно сказать, что онъ не только заложилъ фундаментъ сравнительной климатологіи, но и участвовалъ въ возведеніи самаго зданія, какъ работникъ, собравшій и принесшій массу матеріала, а еще болѣе какъ архитекторъ, творческій умъ котораго служилъ неисчерпаемымъ источникомъ идей для другихъ работниковъ.

Изслѣдованіе надъ относительною древностью горъ и вулканическими явленіями представляютъ дальнѣйшее развитіе взглядовъ, сущность которыхъ мы уже излагали. Гумбольдтъ опредѣлилъ полосу землетрясеній въ Азіи, классифицировалъ землетрясенія, сводя ихъ къ тремъ различнымъ типамъ, и т. д.

Онъ продолжалъ также свои изслѣдованія надъ земнымъ магнетизмомъ, собравъ много данныхъ въ Азіи и Европѣ. Кромѣ его собственныхъ наблюденій по этому предмету, большое значеніе для науки имѣли магнитныя обсерваторіи, учрежденныя по совѣту Гумбольдта русскимъ, англійскимъ и с.-американскимъ правительствами.

ЭР03200

Географическія работы его въ эту эпоху относились къ Азіи. Онъ опровергнулъ прежнее мнѣніе объ Азіи какъ огромной, сплошной, плоской возвышенности и показалъ, что она прорѣзана четырьмя параллельными (а не расходящимися изъ одного центра) горными хребтами; сравнилъ ея орографію съ орографіей Европы и Америки и (по обыкновенію) высказалъ много общихъ взглядовъ о вліяніи ея природы и физическаго устройства на цивилизацію, странствованія племенъ, и пр.

Далѣе имъ былъ изданъ огромный пятитомный трудъ по исторіи географіи. Тутъ изложены причины, подготовившія открытіе Новаго свѣта, древнѣйшія свѣдѣнія о немъ, постепенный ходъ открытій въ XV и XVI в., свѣдѣнія о старинныхъ картахъ Америки и т. д. Это обширное сочиненіе явилось результатомъ многолѣтней работы въ часы досуга, между дѣломъ.

Резюмируя въ нѣсколькихъ словахъ научную дѣятельность Гумбольдта (мы подразумѣваемъ *чисто научную* сторону, оставляя въ сторонѣ *художественную* обработку научныхъ данныхъ) мы можемъ сказать о немъ: онъ создалъ *сравнительную климатологію* и *ботаническую географію*, былъ однимъ изъ главныхъ двигателей *плутоническої теоріи* и *ученія о земномъ магнетизмѣ*; сдѣлалъ рядъ крупныхъ открытій въ *химіи*, *физіологіи*, *сравнительной анатоміи*, *метеорологіи*, *географіи*, и оставилъ много трудовъ по исторіи, этнографіи, политикѣ и т. д.

ЭР03200

VII.

Старость и смерть.

Смерть Вильгельма Гумбольдта.—Занятія Александра.—Фридрихъ Вильгельмъ IV.—Его политика.—Орденъ pour le mérite.—Слава Александра Гумбольдта.—«Космосъ».—Ненависть обскурантовъ.—Жалобы Гумбольдта.—Его «житейская мудрость».—Смерть Л. ф.-Буха, Араго и др.—Его наружность и образъ жизни въ послѣдніе годы.—Письма просителей и поклонниковъ.—Прощаніе съ королемъ.—Смерть Варнгагена.—Одиночество Гумбольдта.—Его болѣзнь и смерть.

(1832—1859)

Съ 1832 года Гумбольдтъ жилъ главнымъ образомъ въ Берлинѣ, навѣщая однако по временамъ столицу міра и другіе города Европы.

Въ Берлинѣ онъ находился въ постоянномъ общеніи съ братомъ, дни котораго были уже сочтены. Сношеніямъ этимъ мѣшали только придворныя обязанности Гумбольдта. Въ письмахъ своихъ онъ часто жалуется на «вѣчное качанье, подобно маятнику, между Берлиномъ и Потсдамомъ», на осаждающихъ его принцевъ, и т. п.

Вильгельмъ Гумбольдтъ скончался въ 1835 году. Александръ былъ сильно огорченъ его смертью. «Я не думалъ, что мои старые глаза способны пролить столько слезъ!» восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Варнгагену.

Онъ взялъ на себя изданіе его сочиненій и рукописей, изъ которыхъ особенно замѣчательно изслѣдованіе о языкѣ Кави. Сочиненія Вильгельма были изданы въ трехъ томахъ въ 1836—1839 годахъ.

ЭР03200

Кромѣ этихъ занятій время его дѣлилось между научными трудами, обработкой «Космоса» и придворными отношеніями.

Часто также видѣли его въ университетскихъ аудиторіяхъ, на лекціяхъ Бека по исторіи греческой литературы, Митчерлиха—по химіи, Риттера—по общему землевѣдѣнію и др. Тутъ сидѣлъ онъ среди студентовъ, слушая и записывая лекціи самымъ внимательнымъ образомъ. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ шутливо, что «хочетъ наверстать то, что упустилъ въ юности».

7 іюня 1840 г. умеръ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, личный другъ Гумбольдта, любившій его и, какъ говоритъ самъ Гумбольдтъ, «предоставившій ему полную свободу дѣйствій и уважавшій его дружбу съ лицами, мнѣнія которыхъ не могли нравиться королю».

Высокое положеніе Гумбольдта впрочемъ не пострадало отъ его смерти.

Новый король, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, сохранилъ съ нимъ наилучшія отношенія.

Это была странная, сложная натура. Богато одаренный отъ природы, прекрасно образованный, тонкій знатокъ искусства—онъ стремился окружить себя наиболѣе выдающимися представителями интеллигенціи. Художники встрѣчали въ немъ авторитетнаго критика, ученые—энциклопедиста, тѣ и другіе блестящаго остроумнаго, краснорѣчиваго собесѣдника. Гумбольдту чего-то не доставало въ тотъ день, когда онъ не видалъ короля; король не менѣе дорожилъ его обществомъ. Онъ любилъ чертить планы построекъ въ средневѣковомъ стилѣ, слушать духовную музыку—и не питалъ никакого пристрастія къ парадамъ и маневрамъ, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ остальныхъ Гогенцоллерновъ.

Политическія воззрѣнія его носили отпечатокъ мистицизма. Воспоминанія о среднихъ вѣкахъ, опоэтизированныхъ романтиками, переплетались въ его головѣ съ

ЭР03200

религіозными воззрѣніями де Местра. «Старая, святая вѣрность», король въ кругу вассаловъ, какъ отецъ среди дѣтей, особенные дары, получаемые имъ отъ Бога — смутныя, поэтически неопредѣленныя представленія соединялись у него съ ненавистью къ раціонализму, къ жалкому человѣческому разсудку, пытающемуся опредѣлить отношенія монарха къ подданнымъ. «Никакой власти въ мірѣ, говорилъ онъ, не удастся принудить меня превратить *естественное* отношеніе короля къ народу въ договорное: я никогда не допущу, чтобы между Господомъ Богомъ и этою страною *встрся писанный листъ* въ качествѣ второго Провидѣнія».

Съ такими воззрѣніями приходилось ему управлять въ эпоху скептицизма, недовѣрія къ авторитетамъ и стремленія къ уничтоженію всякой патріархальности, къ приведенію всѣхъ отношеній въ «разсудочныя», юридическія формы.

Конечно, при такихъ воззрѣніяхъ политика его была реакціонной. Но мягкосердечіе и слабость характера мѣшали ему быть послѣдовательнымъ. Признавая себя непогрѣшимымъ въ теоріи, онъ постоянно колебался на практикѣ, уступалъ, когда требованія становились слишкомъ настойчивыми, но, уступивъ, постоянно возвращался къ старому.

Характеръ короля и направленіе его политики причиняли много досады Гумбольдту. «Какъ жаль, что такой монархъ пройдетъ такъ незамѣтно въ исторіи!» —замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Бунзену. Вообще его письма переполнены похвалами личнымъ качествамъ короля и жалобами на его непослѣдовательность и противорѣчія. Политику его онъ сравниваетъ съ путешествіемъ Парри къ сѣверному полюсу: путешественники долгое время двигались по льду на сѣверъ и въ результатѣ совершенно неожиданно для самихъ себя очутились на нѣсколько градусовъ къ югу, такъ какъ ледъ, по которому они шли, незамѣтно относило теченіемъ.

Гумбольдтъ видѣлся съ королемъ почти ежедневно

*

ЭР03200

въ Берлинѣ, Потсдамѣ или Санъ-Суси и сопровождалъ его въ поѣздкахъ: въ 1841 г.—на Рейнъ, въ 1842 г.—въ Лондонъ, куда король ѣздилъ крестить принца Валлійскаго, и т. д.

Въ 1842 году онъ былъ назначенъ канцлеромъ ордена pour le mérite, учрежденнаго еще Фридрихомъ II для награды за военныя заслуги. Фридрихъ-Вильгельмъ IV придалъ ему гражданскій классъ. Орденъ долженъ былъ выдаваться величайшимъ представителямъ науки, искусства и литературы въ Германіи и Европѣ.

Это новое назначеніе было очень лестно, но доставляло иногда большія хлопоты Гумбольдту и даже ставило его въ неловкое положеніе. Такъ, въ 1853 г. орденъ былъ пожалованъ Уланду—по настояніямъ самого-же Гумбольдта. Къ величайшей досадѣ послѣдняго, либеральный поэтъ наотрѣзъ отказался отъ королевской милости. Просьбы, увѣщанія, самыя тонкія и политичныя письма остались тщетными, и Гумбольдтъ очутился въ довольно непріятномъ положеніи.

Мы не будемъ конечно перечислять всѣхъ наградъ и отличій, сыпавшихся на него со стороны правительствъ и ученыхъ учрежденій,—всѣхъ орденовъ, имъ полученныхъ,—всѣхъ обществъ, избравшихъ его почетнымъ членомъ. Берлинская академія наукъ, членомъ которой онъ состоялъ съ 1800 года, отпраздновала его пятидесятилѣтній академическій юбилей торжественнымъ засѣданіемъ и постановила украсить свою залу его бюстомъ, когда общая всѣмъ смертнымъ участь отниметъ его у ученаго міра; Бразилія и Венецуэлла избрали его почетнымъ судьей, Берлинъ и Потсдамъ—почетнымъ гражданиномъ и пр., и пр.

Имя его увѣковѣчено на географическихъ картахъ, въ учебникахъ зоологіи и ботаники и т. д. Многія рѣки, горы и прочее носятъ его названіе. Въ Америкѣ есть горы Гумбольдта, рѣка Гумбольдтъ; въ Калифорніи

ЭР03200

цѣлая мѣстность носитъ названіе страны Гумбольдта, съ городкомъ Гумбольдтъ, при Гумбольдтовомъ заливѣ. Есть ледникъ Гумбольдта, Гумбольдтово теченіе въ Великомъ Океанѣ; есть Гумбольдтовы горы въ Австраліи, Новой Гвинеѣ, Новой Зеландіи .. Въ Цейлонѣ растетъ дерево Humboldtia laurifolia, многія другія растенія носятъ его имя и даже цѣлый поясъ растительности въ Андахъ называется «Гумбольдтовымъ царствомъ». Есть минералъ «Гумбольдтитъ». Наконецъ, есть Гумбольдтово общество, журналъ «Гумбольдтъ» и ужъ само собой разумѣется — перья Гумбольдта, папиросы Гумбольдта и проч., и проч.

Врядъ-ли можно назвать другого ученаго, пользовавшагося такой популярностью. Онъ былъ какъ бы солнцемъ ученаго міра, къ которому тянулись всѣ крупные и мелкіе дѣятели науки. Къ нему ѣздили на поклонъ, какъ благочестивые католики къ папѣ. Нарочно заѣзжали въ Берлинъ посмотрѣть Александра Гумбольдта—«поцѣловать папскую туфлю».

Другъ королей, король ученыхъ—онъ затмилъ въ глазахъ современниковъ всѣ остальныя свѣтила науки.

Мы уже говорили о причинахъ такой исключительной популярности. Среди публики она поддерживалась конечно, главнымъ образомъ, его общедоступными сочиненіями.

Эта сторона его дѣятельности увѣнчалась наконецъ давно задуманнымъ «Космосомъ». Скажемъ нѣсколько словъ о постепенной выработкѣ этого произведенія. Мысль о «физикѣ міра» явилась у него уже въ 1796 г.; въ 1799 году, уѣзжая въ Америку, онъ вполнѣ опредѣленно ставилъ ее своей задачей; въ 1815 г. началъ писать свою книгу на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Essai sur la physique du monde». Лекціи 1827—1828 г. были первымъ законченнымъ наброскомъ «Космоса». Въ 1830 году Гумбольдтъ пишетъ Варнагену: «Моя книга будетъ носить названіе «Очеркъ физическаго мірописанія»; а въ 1834 г.: «Я начинаю печа-

ЭР03200

таніе моей книги (дѣла моей жизни). Я имѣю безумное намѣреніе изобразить весь матеріальный міръ, все, что мы знаемъ о явленіяхъ небесныхъ пространствъ и земной жизни, отъ туманныхъ звѣздъ до мховъ на гранитныхъ скалахъ—изобразить все это въ одной книгѣ, написанной притомъ, живымъ, дѣйствующимъ на чувство языкомъ. Тутъ должна быть отмѣчена каждая великая и важная идея наряду съ фактами. Книга должна изобразить эпоху въ развитіи человѣчества, въ познаніи имъ природы.. Я хотѣлъ сначала назвать ее «Книга природы» по имени средневѣковаго сочиненія о томъ-же предметѣ Альберта Великаго. Теперь я выбралъ названіе «Космосъ»... Конечно, это слово громкое и не безъ извѣстной напыщенности (affectérie); зато оно разомъ обозначаетъ небо и землю».

Но только въ 1845 г. вышелъ наконецъ первый томъ сочиненія, давно ожидавшагося ученымъ міромъ и публикой. «На склонѣ дѣятельной жизни, говоритъ въ предисловіи Гумбольдтъ, я передаю нѣмецкой публикѣ сочиненіе, планъ котораго почти полстолѣтія носился въ моей душѣ».

«Космосъ» представляетъ сводъ знаній первой половины нашего столѣтія и, что всего драгоцѣннѣе, сводъ, составленный спеціалистомъ, потому что Гумбольдтъ былъ спеціалистомъ во всѣхъ областяхъ, кромѣ развѣ высшей математики. Это почти невѣроятно, но это такъ.

А это очень важно. Легко написать компиляцію, въ которой важное будетъ перемѣшано съ пустяками, мыльные пузыри съ строго обоснованными теоріями, но не легко составить сводъ, подвести итоги, дать критическую провѣрку нашихъ знаній. «Космосъ» носитъ именно такой характеръ.

Разумѣется, эта книга во многихъ частяхъ устарѣла. Въ наше время нельзя написать коранъ науки: она развивается слишкомъ быстро и оставляетъ за шта-

ЭР03200

томъ самыя замѣчательныя произведенія. Но какъ картина нашихъ знаній въ извѣстную эпоху эта книга навсегда останется драгоцѣннымъ памятникомъ. Кромѣ строгой научности и художественнаго изложенія нельзя не упомянуть о другой чертѣ Космоса—общей всѣмъ сочиненіямъ Гумбольдта, именно о богатствѣ мыслей, общихъ взглядовъ. Приведемъ здѣсь отзывъ астронома Аргеландера о третьей (астрономической) части Космоса:

«В. П-во назвали однажды вашу книгу «популярной астрономіей». Конечно она популярна, потому что вполнѣ способна возбудить любовь къ астрономіи и удивленіе къ творенію въ народѣ; но она не популярна въ томъ смыслѣ, какой мы привыкли связывать съ этимъ словомъ, примѣняя его къ книгамъ, которыя ученый спеціалистъ не станетъ читать, зная, что не найдетъ въ нихъ ничего новаго... Ваша книга содержитъ столько новаго и неизвѣстнаго стараго, что каждый астрономъ найдетъ въ ней массу поучительнаго; я, по крайней мѣрѣ, почерпнулъ изъ нея очень много; она подала мнѣ мысль къ нѣсколькимъ изслѣдованіямъ, которыя я желалъ бы привести въ исполненіе».

Второй томъ вышелъ въ 1847 г.; 3-й въ 1852; 4-й въ 1857; 5-й не былъ конченъ и оборвался вмѣстѣ съ жизнью Гумбольдта.

Книга была переведена на всѣ европейскіе языки, не исключая испанскаго, венгерскаго, польскаго и т. п.; вызвала цѣлую литературу подражаній и комментаріевъ, цѣлую бурю хвалебныхъ гимновъ и—какъ водится, не мало нападокъ. Піэтисты указывали на то, что во всѣхъ 4-хъ частяхъ «Космоса» ни разу не упоминается слово «Богъ», обвиняли Гумбольдта въ сочувствіи нечестивому Фейербаху, и т. п.

Короля старались увѣрить, что «Космосъ»—нечестивая и демагогическая книга. Но онъ не повѣрилъ и привѣтствовалъ Гумбольдта очень любезнымъ письмомъ.

ЭР03200

Съ появленіемъ «Космоса» слава Гумбольдта достигла кульминаціоннаго пункта.

Въ моментъ выхода въ свѣтъ перваго тома ему было 76 лѣтъ. Физическія и умственныя силы его однако не ослабѣли подъ бременемъ этого возраста.

Трудно представить себѣ болѣе счастливую жизнь. Судьба одарила его всѣмъ, что люди считаютъ необходимымъ условіемъ счастья. Богатство? — онъ былъ богатъ. Свобода? — онъ могъ ею пользоваться въ полной мѣрѣ. Слава, почетъ, поклоненіе — онъ при жизни пользовался ими въ такой степени, какъ никто, и могъ быть увѣренъ, что имя его сохранится въ потомствѣ.

Тѣмъ не менѣе и этотъ счастливѣйшій изъ смертныхъ находилъ причины жаловаться. Скорбная нота звучитъ въ его письмахъ все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу. Усилившаяся реакція отравляла ему жизнь. Для большинства придворныхъ, знатныхъ піэтистовъ (которые тогда были въ силѣ), Гумбольдтъ былъ бѣльмомъ на глазу. «Аристократія ненавидитъ меня отъ всей души, говорилъ онъ. — Я для нея старый трехцвѣтный лоскутъ, который приберегаютъ, чтобы въ случаѣ надобности развернуть».

Многіе изъ ученыхъ не долюбливали его за безкорыстную любовь къ наукѣ, заставлявшую его всѣми силами выдвигать и поощрять молодые таланты; сторонники феодальныхъ привиллегій и крѣпостного права — за свободный образъ мыслей. «Свобода и процвѣтаніе — неразлучныя идеи, даже въ природѣ», говорилъ онъ. Наконецъ, ханжи чуяли въ немъ стараго вольнодумца еще Вольтеровской эпохи.

Вся эта компанія не смѣла нападать на него открыто: онъ былъ слишкомъ великъ и славенъ, да къ тому-же умѣлъ отбрить всякаго, кто рѣшался на прямое нападеніе. Но чѣмъ болѣе льстили ему въ глаза, тѣмъ сильнѣе работали языки за его спиной. Сплетни,

ЭР03200

наговоры, клеветы — всѣ орудія ничтожества пускались въ ходъ. Все это дѣйствовало, какъ комариные уколы, не причиняя существеннаго вреда, но раздражая пуще серьезной боли. Въ письмахъ къ Лаланду, Фуркруа и др. изъ американскаго путешествія мы не встрѣчаемъ такихъ жалобъ на москитовъ, какъ въ письмахъ къ Бунзену, Варнгагену и пр.—на реакціонныхъ мошекъ.

«Безъ моихъ придворныхъ отношеній я былъ бы изгнанъ изъ Берлина», писалъ онъ Бунзену.

Онъ держался при дворѣ только благодаря личному расположенію короля. Но своеобразная политика послѣдняго доставляла ему много огорченія.

«Небо послало мнѣ смутный, тяжелый закатъ жизни», жалуется онъ Варнгагену еще въ 1842 г.

«Столѣтія—минуты въ великомъ процессѣ развитія человѣчества. Но восходящая кривая имѣетъ свои пониженія и очень непріятно попасть въ моментъ такого пониженія».

Все, что ему оставалось,—это дѣйствовать лично на короля. И нужно замѣтить, что онъ говорилъ съ нимъ очень откровенно. Какого рода направленіе господствовало тогда, можно судить по тому, что въ 1842 г. ему пришлось, напримѣръ, хлопотать за Мейербера, котораго хотѣли обойти наградой за то, что онъ былъ еврей. Въ письмѣ къ королю Гумбольдтъ говоритъ между прочимъ: «довѣріе къ монарху сохраняется, пока чувствуютъ, что онъ стоитъ выше мелочныхъ взглядовъ, что онъ соотвѣтствуетъ уровню своего времени»...

Въ 1846 г., заступаясь за проф. Масмана, подозрѣваемаго въ неблагонамѣренности, онъ писалъ королю: «Бояться всякой духовной силы—значитъ отнимать у государства всякую питающую, поддерживающую силу».

Намъ уже не разъ приходилось упоминать о «житейской мудрости» Гумбольдта. Приведенныя цитаты показываютъ, что она не заставляла его кривить душой. Любезный и уступчивый въ мелочахъ, онъ не доводилъ

ЭР03200

свою любезность до потакательства злу и не проходилъ молчаніемъ того, что его возмущало. Уступчивость его выражалась въ болѣе мелкихъ и невинныхъ вещахъ. Вотъ, напр. ея обращикъ: оказавъ содѣйствіе египтологу Бунзону въ изданіи одного дорогого сочиненія, онъ проситъ его посвятить эту книгу не ему, Гумбольдту, а королю. «Ему это будетъ очень пріятно, прибавляетъ онъ, а мнѣ дастъ возможность оказать содѣйствіе Лепсіусу».

Нельзя не сознаться, что подобныя маленькія хитрости слишкомъ невинны, чтобы осуждать ихъ, въ особенности, если мы вспомнимъ, что пріобрѣтаемое посредствомъ нихъ вліяніе употреблялось не для личной пользы, а для безкорыстнаго служенія наукѣ.

Въ 1847 году Гумбольдтъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Парижъ и пробылъ въ немъ до февральской революціи (1848 г.), по поводу которой король писалъ ему: «пройдемъ молчаніемъ актъ правосудія Божія». Вскорѣ по возвращеніи Гумбольдта въ Берлинъ произошло возстаніе въ Пруссіи. Мы не будемъ входить въ подробности этого и послѣдовавшихъ за нимъ событій. Общій характеръ политики остался тотъ-же: пассивное сопротивленіе, уступки, а за ними возвратъ къ старому. Это, конечно, не могло дѣйствовать утѣшительно на Гумбольдта. Особенно возмущало его владычество Наполеона III. «Остается одно утѣшеніе, писалъ онъ по поводу успѣховъ послѣдняго, — изъ всего этого получится результатъ, котораго вовсе не ожидаютъ. *Принципъ* переживетъ всѣхъ».

Къ недовольству общимъ положеніемъ дѣлъ присоединялось чувство одиночества, такъ какъ друзья и сверстники Гумбольдта умирали одинъ за другимъ. Давно уже не было въ живыхъ Гете, Вильгельма Гумбольдта... Въ 1853 г. скончался Леопольдъ ф. Бухъ, съ которымъ Гумбольдта связывала 63-хъ лѣтняя дружба; за нимъ послѣдовалъ лучшій изъ его парижскихъ друзей, Франсуа Араго.

ЭР03200

Ближайшіе родственники Гумбольдта тоже умирали. Въ 1845 г. скончался его зять (мужъ его племянницы) ф. Бюловъ, въ 1856 г. — старшая дочь Вильгельма, ген. Гедеманнъ. «Я погребаю весь мой родъ!» восклицаетъ онъ по поводу этой смерти.

Въ послѣдніе годы жизни ближайшимъ другомъ его былъ Варнгагенъ ф. Энзе; въ бесѣдѣ и перепискѣ съ нимъ Гумбольдтъ отводилъ душу послѣ политическихъ и придворныхъ непріятностей.

Мы приближаемся къ концу. Но прежде чѣмъ разстаться съ великимъ ученымъ, скажемъ нѣсколько словъ о его занятіяхъ въ послѣдніе годы жизни, о его наружности, обстановкѣ и проч.

Съ 1842 года онъ жилъ въ Берлинѣ, въ домѣ своего друга, банкира Мендельсона. При немъ постоянно находился камердинеръ Зейфертъ, сопровождавшій его въ азіатскомъ путешествіи.

Гумбольдтъ былъ средняго роста съ маленькими, изящными руками и ногами. Огромный лобъ, обрамленный сѣдыми волосами, юношески-живые, быстрые голубые глаза, улыбка, то благодушная, то саркастическая, придавали его лицу выраженіе мудрости и въ то же время тонкости и добродушнаго лукавства. Онъ ходилъ быстрыми, но въ послѣднее время не совсѣмъ ровными шагами; во время разговора часто вскакивалъ и расхаживалъ по комнатѣ. Талантливый человѣкъ приводилъ его въ восторгъ; онъ умѣлъ заставить всякаго разговориться и чувствовать себя какъ дома. Бесѣда его, увлекательная, живая, пересыпанная шутками, остротами, иногда сарказмами, походила на фейерверкъ и обворожала всѣхъ. Онъ владѣлъ нѣсколькими языками, свободно говорилъ по англійски, испански, французски и пр.

Необыкновенная дѣятельность и умственное напря-

ЭР03200

женіе, казалось, должны бы были ослабить его физическія и духовныя силы. Но природа сдѣлала для него исключеніе. Въ послѣдніе годы жизни, приближаясь къ девяностолѣтнему возрасту, онъ велъ такой-же дѣятельный образъ жизни, какъ когда-то въ Парижѣ. Онъ вставалъ обыкновенно въ половинѣ девятаго, завтракалъ и читалъ письма, которыхъ получалъ до 2000 въ годъ и на которыя по большей части отвѣчалъ немедленно, затѣмъ одѣвался и либо принималъ посѣтителей, либо самъ посѣщалъ друзей. Въ 3 часа отправлялся обѣдать къ королю или кому-либо изъ друзей, большею частью къ Мендельсону. Къ семи возвращался домой, до 9 работалъ; затѣмъ снова уходилъ къ королю или посѣщалъ салоны. Вернувшись около полуночи, садился за работу и писалъ до 3—4 часовъ ночи. Главнымъ его занятіемъ въ послѣдніе годы была обработка «Космоса».

Мало-по-малу однако годы брали свое. 24 февраля 1857 года Гумбольдтъ былъ на придворномъ балу и вернулся домой, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ. Ночью онъ захотѣлъ напиться, всталъ, но, не успѣвъ дойти до графина, упалъ. Зейфертъ, разбуженный шумомъ, нашелъ его на полу въ безчувственномъ состояніи. Съ нимъ случился ударъ.

Сознаніе и способность рѣчи однако скоро вернулись. Шёнлейнъ, лечившій его, сомнѣвался въ выздоровленіи; однако Гумбольдтъ поправился. 13 марта посѣтилъ его король и когда Шёнлейнъ замѣтилъ, что Гумбольдтъ долгое время не будетъ свободно владѣть лѣвой стороной тѣла, послѣдній отвѣчалъ съ обычною живостью: «это однако не заставитъ меня перейти на правую къ Герлаху».

Вскорѣ Гумбольдтъ вернулся къ обычнымъ занятіямъ. Однако силы начинали оставлять его. Въ особенности утомляли его письма, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ. Чего тутъ только не было! Иныя начинались: «О, благородный старикъ-юноша (Jugendgreis)!», другія про-

ЭР03200

сто: «Каролина и я счастливы: судьба наша въ вашихъ рукахъ». Тотъ прислалъ денегъ, другой рекомендаціи, третій автографа, четвертый предлагалъ услуги въ качествѣ секретаря, компаньона, чтеца, пятый присылалъ проектъ воздухоплавательной машины съ просьбой объ отзывѣ... Какія-то дамы рѣшились обратить стараго вольнодумца въ христіанство и бомбардировали его анонимными письмами. Какой то проходимецъ, написавшій повѣсть: «Сынъ Александра Гумбольдта или индѣецъ изъ Майпуресъ», имѣлъ нахальство просить одобренія... Съ другой стороны конечно не было недостатка и въ восторгахъ, хвалебныхъ гимнахъ, поздравительныхъ адресахъ. Въ іюлѣ 1858 г. граждане Соединенныхъ Штатовъ прислали ему альбомъ съ картами рѣкъ, горъ и пр., носившихъ имя Гумбольдта. 14 сентября 1858 г., въ день своего девяностолѣтняго рожденія, онъ былъ заваленъ поздравительными письмами.

Эта расплата за знаменитость начинала сильно утомлять его. Къ утомленію присоединялось возраставшее чувство одиночества. Послѣдніе друзья Гумбольдта сходили съ житейской сцены. Болѣзнь и слабость короля заставили его 7 октября 1858 года передать правленіе брату, принцу Вильгельму, а вскорѣ Гумбольдтъ навсегда простился со своимъ царственнымъ другомъ, такъ какъ врачи отправили его въ Италію.

10 октября 1858 года умеръ Варнгагенъ фонъ Энзе, послѣдній изъ старыхъ друзей Гумбольдта. «Какой день потрясенія, скорби, бѣдствія для меня, писалъ Гумбольдтъ Людмилѣ ф. Ассингъ, племянницѣ Варнгагена. Я былъ въ Потсдамѣ, чтобы проститься съ королемъ. Онъ былъ глубоко растроганъ и плакалъ. Возвращаюсь домой и нахожу Ваше грустное письмо, дорогая подруга! Онъ умеръ раньше чѣмъ я, девяностолѣтній старикъ!»

Разумѣется, и теперь не было недостатка въ друзьяхъ, почитателяхъ. Напротивъ, никогда поклонники такъ не

ЭР03200

ломились къ нему, какъ теперь, никогда не воскурялось столько ѳиміама, не раздавалось столько славословія...

Но общія воспоминанія, долголѣтняя дружба, вмѣстѣ пережитыя невзгоды и радости бытія, не связывали его съ новыми поклонниками. Почести и ѳиміамъ надоѣли, потребность сердечныхъ привязанностей сказывалась все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ годы брали свое, а ряды сверстниковъ все рѣдѣли и рѣдѣли—и вотъ, наконецъ онъ стоялъ одинокій въ ореолѣ своей славы, усталый и грустный, отворачиваясь отъ надоѣвшихъ поклонниковъ и затыкая уши, оглушенныя немолчнымъ хоромъ похвалъ...

«Берегитесь прожить такъ долго—писалъ онъ въ одну изъ грустныхъ минутъ. — Слава растетъ вмѣстѣ съ ослабленіемъ силъ, и роль дорогого старика-юноши, достойнаго старѣйшины всѣхъ живущихъ ученыхъ, Vecchio della montagna—несносная роль».

Почеркъ его становился все менѣе и менѣе разборчивымъ, содержаніе писемъ короче: 2 марта 1859 года онъ напечаталъ въ берлинскихъ газетахъ объявленіе, въ которомъ просилъ публику не обращать его домъ въ адресную контору и подумать о томъ, что 90-лѣтній возрастъ дѣлаетъ для него невозможнымъ отвѣчать на 1600—2000 писемъ въ годъ.

Въ концѣ апрѣля 1859 года онъ простудился и слегъ въ постель.

Смерть приближалась быстро, но безъ сильныхъ страданій. Онъ не разрушался отъ внезапно нагрянувшей болѣзни; онъ угасалъ, какъ солнце, склонившееся къ горизонту. Сознаніе сохранилось до послѣдняго дня; но силы исчезали, дыханіе становилось короче и прерывистѣе, дремота все болѣе и болѣе овладѣвала имъ и 6 мая 1859 г. въ 3 часа по полудни перешла въ сонъ, отъ котораго никто не пробуждается.

10 мая огромная и торжественная процессія направ-

ЭР03200

лялась отъ дома Гумбольдта къ собору. За слугами покойнаго слѣдовала депутація отъ студентовъ Берлинскаго университета, за ними похоронная музыка, духовенство; далѣе несли знаки Чернаго Орла и другихъ орденовъ, за которыми двигалась похоронная колесница, запряженная королевскими лошадьми; за нею кавалеры Чернаго Орла, министры, придворные, генералитетъ, камергеры, депутаціи палаты депутатовъ, штаба, присутственныхъ мѣстъ, магистрата, Академій и проч., наконецъ, парадные экипажи короля, принца-регента, королевы и безчисленная вереница другихъ.

На паперти собора процессію встрѣтилъ принцъ-регентъ и другіе члены царствующаго дома, съ обнаженными головами. Безчисленная толпа наводнила соборъ и площадь передъ нимъ. Простой дубовый гробъ, украшенный вѣнками изъ бѣлыхъ азалій, пальмовыхъ и лавровыхъ вѣтокъ, былъ опущенъ на эстраду передъ алтаремъ. Вечеромъ его перевезли въ Тегель и поставили въ семейномъ склепѣ, рядомъ съ останками Вильгельма Гумбольдта.

Состоянія Гумбольдтъ не оставилъ. Огромная библіотека и движимое имущество были имъ завѣщаны Зейферту; рукописи, ордена, медали и пр. послѣдній передалъ роднымъ Гумбольдта.

Памятники ему поставлены во многихъ городахъ Европы; но самый долговѣчный онъ конечно самъ воздвигъ себѣ своею дѣятельностью.

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ЭР03200

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ,

издаваемая Ф. Павленковымъ.

Въ составъ ея вошли пока (сентябрь 1890 г.), слѣдующія книги:

Ручной трудъ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—**Электрическіе звонки.** Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.—**Руководство къ рисованію акварелью.** А. Кассаня. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—**Сельскій совѣтникъ.** А. Альмединигена. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Ц. 60 коп.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена, профессора Лозан. университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ. гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Ренъяра. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міроВѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколева. Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ. А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюзлера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ДАРВИНИЗМЪ. Общедост. изложеніе ученія Дарвина. Э. Ферьера. Ц. 60 к.

ЗР03200

Учебныя руководства и пособія.

КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. И. Рыкачева. Съ 197 рисун. Ц. 1 р. 50 к.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ. А. Заблодкаго. Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.

КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГІИ И КЛИМАТОЛОГІИ. Профес. Лѣснаго Институт. Д. Лачинова. Съ 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.

ОСНОВАНІЯ ХИМІИ. ТЕХНОЛОГІИ. В. Селезнева. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. Гано. Переводъ Ф. Павленкова и В. Черкасова. 7-е изд. Ц. 4 руб.

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. А. Гано. Перев. Ф. Павленкова. Съ 604 рис. Ц. 2 р.

КРАТКАЯ ФИЗИКА. М. Герасимова. Съ 335 рисун. и 214 задачами. Ц. 1 р.

ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ. Н. Вальберха и Ф. Павленкова. Съ 50 рис. Ц. 40 к.

УЧЕБНИКЪ ХИМІИ. А. Альмединг ена. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ. В. Потопкаго. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ. Бурдонъ Сандерсона. Переводъ д-ра Фридберга Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ частяхъ со многими рисунками. Цѣна въ одной книгѣ 5 р.

СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. Лубенца. 7-е изданіе. Ц. 40 к. Тотъ же „Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. Т. Лубенца. Ц. 15 к.

УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для город. училищъ. И. Плетенева. Съ рис. Ц. 30 к.

МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. С. Житкова. 3-е изд. Ц. 75 к.

СБОРНИКЪ АРИѲМ. ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". С. Житкова. Ц. 40 к.

СБОРНИКЪ САМОСТОЯТ. УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИѲМЕТИКѢ. Задачникъ для учениковъ. С. Житкова. 2-е изд. Ц. 25 к.

ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. А. Кузнецова. изд 2-е. Ц. 1 р.

НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. Съ 800 рис. 10-е изд. Ц. 20 к.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ". Ф. Павленкова. 7-е изд. Ц. 15 к.

РОДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова, 7-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.

АЗБУКА-КОПѢЙКА. Ф. Павленкова. 7-е изд., 12 стр. 100 рис. Цѣна 1 к.

НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. Ф. Павленкова. 1) „КЪ РОДНОМУ СЛОВУ" Ушинскаго (400 рис.). 2) „КЪ АЗБУКѢ БУНАКОВА" (460 рис.). 3) КЪ „ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКѢ" Паульсона (430 рис.). 4) КЪ „РУССКОЙ АЗБУКѢ" Водовозова (470 рис.). 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

НАШЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона Н. А Корфа 15-е изд. съ 200 рис. Ц. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. А. Тарнавскаго. Для низш. учебн. заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 125 рисунками. 4-е изд. Ц. 60 к.

НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА. Н. Бучинскаго. Ц. 30 к.

ЗЕРНЫШКО. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Т. Лубенца. 1-я книга Ц. 30 к. 2-я книга. Ц. 40 к.

РУКОВОДСТВО къ „ЗЕРНЫШКУ" Лубенца. Ц. 50 к.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. Т. Лубенца. 2-е изд. Ц. 5 к.

РУКОВОДСТВО КЪ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ". Т. Лубенца. Ц. 15 к.

КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ. А. Карюкова. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.

РУССКОЕ СЛОВО. А. Павлова. Хрестоматія для гор. училищъ Ц. 1 р.

РУКОВОДСТВО къ „РУС СЛОВУ". Ц. 60 к.

АЗБУКА ДОМОВОДСТВА и ДОМАШНЕЙ ГИГІЕНЫ. Сост. М. Клима Ц. 75 к.

300 ПИСЬМЕН. РАБОТЪ Задачи для упражненій въ письмѣ для 3-хъ отдѣленій начал. школы Н. Корфа. Ц. 15 к.

ПЕРВОНАЧ. ПРАВОПИСАНІЕ. Диктовки и грам. правила. Н. Корфа. Ц. 12 к.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ М. Герасимова. Съ 96 рис. Ц. 50 к.

СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. М. Савицкаго. Ц. 40 к.

ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГІИ. Поля Бера. Переводъ подъ ред. проф. И. Мечникова. 345 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. Въ пачкѣ 1 р. 20 к., въ перен. 1 р. 50 к.

КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сіязова. Съ 118 рис. Цѣна 50 к.

СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ. Разыграева. 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знак. препинанія. Ц. 35 к.

ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.

ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ Григоровича. 5-е изд. 52 портрет. Ц. 2 р.

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А. Колтановскаго. 279 рис. Ц. 75 к.

РИСОВАНІЕ АКВАРЕЛЬЮ А. Касаня Перев. съ франц. О. Кочетовой. 120 политип. и 6 акварел. Ц. 1 р. 50 к.

ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическіе совѣты Ф. Шубедера. Съ 130 рис. Ц. 60 к.

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. Корнеля. 11-е изданіе, съ 10-ю раскраш. карт и 82 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭР03200

Литература, публицистика и закон

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 16 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 перен.) 1 р. и 2 р.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе стихотвореній и вся беллетристика въ прозѣ. Въ 1 томѣ Съ біографіей, портретами, и пр. Ц. 1 р. Съ карт.—2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе съ портретами, біографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.) Цѣна безъ картинъ—75 к. Съ картин.—1 р. 50 к.

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями и портретомъ. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рѣзаны на деревѣ. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть *А. Пушкина*. Роскошное изданіе съ 188 рис. Ц. 60 к. Въ папкѣ—75 к. въ перен. 1 р.

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. Съ портретомъ автора и статьей Н. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО. Критич. очерки, публицист. этюды, литерат. характеристики. Цѣна за все собраніе въ 2 большихъ томахъ 3 р.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ въ государственной жизни. Профес. Гольцендорфа. Ц. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ Ѳ. РѢШЕТ… томахъ. Съ портретомъ … М. Протопопова. Цѣна … Переплеты въ 50 к. и 1 р.

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕЛГУНОВА … томахъ. Съ портр. автора и стат. Н. Михайловскаго. Цѣна за оба … 3 р. Въ перен. … 50 к. и 4 р.

ТУРГЕНЕВЪ О … СКОМЪ НАРОДѢ. Съ портретомъ … нева Ц. 15 к.

ВЪ ПОИСКАХЪ … ИСТИНОЙ. Макса Нордау. Перев. … Ц. 2 …

БЕСѢДЫ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ. С. Горянской. Ц. 15 коп.

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ, общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ В. Фармаковскій. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домашн. чтенія. А. Цвѣткова. Съ портретами. Ц. 3 р.

ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ С. Приклонскаго. Ц. 2 р.

БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ. Бытовые очерки И. Тимощенкова. Ц. 1 р.

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА. А. Бахтіарова. Цѣна 1 р.

СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ. П. Мантегацца. Ц. 75 к.

БОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ. Гигіеническій романъ П. Мантегацца. Ц. 50 к.

НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЫ. Ф. Павленкова. Цѣна 35 к.

ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА. 2-е изд. Ц. 75 к.

ИСТОРІЯ КНИГИ НА РУСИ. А. Бахтіарова. Со мног. рис. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к. — **Бахчисарайскій фонтанъ** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., ц. 3 к. — **Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к. — **Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к. — **Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к. — **Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к — **Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери** Съ карт., ц. 2 к. —**Каменный гость** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт. ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Исторія Пугачев. бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.— **Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

ЭР03200